

Сергей Семеркин

Пока королева спит

18+

Сергей Владимирович Семеркин

Пока королева спит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56078324

SelfPub; 2020

Аннотация

Не всё в порядке в королевстве Зелёных холмов – власть в государстве захватил коварный и беспринципный магистр. Знания он скрывает, историю переписывает, инакомыслящих отправляет в концлагеря, с помощью легионов смерти присоединяет соседние территории и мечтает стать вечным диктатором, благо секретом бессмертия владеет. А что же королева? Она спит вечным сном и по легенде проснётся, если ударить в колокол... Найдутся ли герои, бунтовщики и прочие подрывные элементы, чтобы разрушить карточный домик Третьего великого магистрата?

Содержание

Боцман	6
Ползунки	15
Магистр	16
Ползунки	28
Магистр	30
Боцман	31
Магистр	41
Боцман	43
Королева	45
Шут	47
Боцман	49
Ползунки	50
Магистр	52
Боцман	54
Магистр	67
Убийца	68
Боцман	69
Магистр	72
Боцман	74
Шут	86
Магистр	92
Боцман	95
Королева	98

Магистр	105
Боцман	107
Магистр	116
Шут	117
Боцман	120
Королева	121
Магистр	123
Боцман	126
Конец ознакомительного фрагмента.	130

*Посвящается маме, музе и коту Маугли, пришедшему из
ниоткуда и ушедшему в никуда*

Боцман

В преданных глазах овчарки отражались два шлюза, два меня и две метлы. Некоторые сторожа манкируют своими обязанностями не только служить, но и мести... я – не такой, мне не лень с утраца подмести наш ржавый и не особо секретный объект и делаю я это с удовольствием, ведь труд на свежем воздухе разгоняет кровь и помогает скоротать время на дежурстве. Рукой в засаленной рукавице я потрепал Алого по шее, а пёс попытался меня лизнуть в порыве ответной благодарности. Эти телячьи нежности я пресёк... к нашей шлюзовой собаке лучше подходить с наветренной стороны, чтобы запашок в нос не врезал, ведь Алый – мёртвая собака, пёс умер не то двести, не то триста лет назад и мог видеть королеву ещё живой... скорей бы наша вечно молодая «старушка» проснулась!

А вот и сменщик Вилариба причапал (смотрю на часы – не опоздал).

– Здорово, Боцман, лови краба! – я не поддался на уловку.

– Привет, вахту принимай!

– Зацени какие куртуазные подтяжки я на барахолке нашёл! – Вилариба явно был склонен поболтать и показать товар лицом, он оттянул одну из оранжевых подтяжек и хлопнул ей по своему ладному торсу. – А ещё я узнал о всемирном заговоре...

– Пока-пока! – я быстро сделал ему ручкой, бросил метлу и рукавицы в каптёрку и свалил... Куртуазные подтяжки и конспирологические теории были лишними для моего организма. Сразу набрал третью скорость – как говорят мудрые, с работы домой надо бежать с радостью. Оглядываю знакомые улицы и переулки... Лас-Ка – самый красивый город на свете. Да. И самый серый – у нас серое всё: улицы, дома, одежда прохожих и их лица, а также постоянный серый смог над крышами, от такой серости можно сойти с ума. Хочется уехать куда-нибудь в деревню, где изумрудная трава, алые восходы, багряные закаты, голубые озера, синие небеса и белые, как молоко, облака. Но в деревне ещё скучнее, чем здесь, уж мы-то горожане хорошо об этом знаем – там ничего не происходит и вряд ли что-нибудь произойдёт. От такой скукоты легко спиться или повеситься... А у нас в столице хотя бы есть смутная надежда, что королева проснётся!

Ночному сторожу после дежурства обычно хочется выпить, или набить кому-нибудь морду, или сначала выпить, а потом набить, правда, бывает и так, что сначала тебе набьют, а потом даже на пиво денег нет. Гм... вот подходящий субъект, давай, давай, только толкни меня плечом, сразу с разворота схлопочешь... надо же, банально прошел мимо, крысёныш! Говорят, даже коронованные особы после тяжелейшей вахты у трона со скипетром, державой и прочими монаршими причиндалами не гнушаются подобными простонародными забавами – алкоголизмом, например, ну

и битьём морд. По легенде наша королева, прежде чем заснуть вечным сном выпила своего любимого клубничного шампанского. Быть может, выпила, потому что не могла набить кому-нибудь морду... С удовольствием бы сейчас глотнул холодненького шампанского, пусть не клубничного, а обыкновенного, можно даже самого дешевого, бутылку бы осушил, а потом тяжелым зелёным стеклом кому-нибудь с большим удовольствием дал по башке...

Шуршу ножками мимо серых зданий... у нас не любят углов и строят дома округлые с башенками, колоннами, мезонинами, фронтонами, изогнутыми карнизами и все это по телу здания разбрасывается в художественном беспорядке. От нашей нелепой архитектуры создаётся такое впечатление, что проектировщики с подрядчиками сначала много пьют, потом с похмелья строят и не приходя в сознание достраивают (и при этом воруют средства заказчика)... а кое-где серые стены разрушаются и становится видно, что внушительное с фасада строение возведено не из цельного бетона, а из обломков старого города, который помнит ещё королеву... Дать бы в морду таким горе строителям и зодчим!

Но ведь не только серый цвет раздражает... а портреты магистра на каждой ровной стене – как вам такое с утра после смены, а?! Маркел весь такой холёный, напечатан в цвете, морда вечно молодая (он же не стареет в отличие от нас, простых смертных) и вечно мерзкая на красном полотне... подрезать бы его... не плакат, конечно, а магистра, вжик лез-

вием по горлу и вся недолга... но у него охраны – легион и стукачей навалом...

Мечты, мечты! Совершенно без приключений и революций, судя по всему, я доберусь до родимой хатки, где меня ждёт благоверная, и уж, конечно, с утра на пороге семейного гнездышка она не желает видеть муженька, уже надравшегося, или в крови, или в крови и надравшегося. Будь на моем месте демон или ещё кто похуже, то и он бы не решился показаться на глаза Эльзе в таком неподобающем виде. А ещё мне очень хотелось спать. Не то чтобы я всю ночь бдиль и исправно нёс свою вахту – нет, я успел покемарить пару часиков... Сторож, если он настоящий сторож, всегда успеет мальчика поспать, даже стоя под зорким оком начальства. Но что такое пара часов сна для утомленного стража? Двухэтажный домик, в котором мы живём и не тужим с Эльзой, находится всего в полквартала от места моей нелёгкой службы, так что покрываю я это небольшое расстояние минут за пятнадцать. Вот и в этот раз мне так ни разу и не удалось нарваться на приключения – пустынный тротуар плохой партнер для вывода немотивированной агрессии, на нём даже пустые коробки не валялись, на которых можно было отвести душу, не говоря уж о заботливо потерянных кошельках с золотыми кружочками.

На Жемчужной набережной маячил дядя Миша и мимо такого колоритного «маяка» было не пройти.

– Привет, Медведь! – заулыбался я.

– И тебе не хворать, Боцман дальнего плавания! Кофий будешь?

– По твоим грабительским ценам пусть туристы кофий заказывают...

Дядя Миша, больше известный в узких кругах, как Медведь, занимался сразу тремя бизнесами на одной тележке. Во-первых, он продавал кофий по ценнику «1 чашка – 1 монета», причём сдачу дядя Миша никогда не давал, а если учесть, что его бицепсы были толще, чем ляжки среднестатистического прохожего, то сдачу и не спрашивали. Зато детям он давал совершенно бесплатные (что означает, что они включены в цену кофия) леденцы. Во-вторых, Медведь скупал монеты – он был страстный нумизмат и о древних кругляках мог с упоением рассказывать часами. В-третьих, своими огромными лапами этот разносторонний человек аккуратно помещал в стеклянные бутылочки парусные корабли – они были великолепны и филигранно точны в деталях такелажа. Знатные сувениры, но и стоили соответственно. А ещё у Медведя можно было достать холодное оружие, но об этом уже аншлаги на тележке скромно умалчивали.

– Жмот! – взревел Медведь.

– Крохобор! – и я за словом в карман не полез.

Дядя Миша мне подмигнул, я ответил ему тем же. Он был добрый, как и многие большие и сильные мужики. Вдыхаю воздух... ах как пахнет сирень... нарушив закон, я сорвал несколько веток... Вот и дом, милый дом. Букет сире-

ни теперь в нём. Эльза обрадовалась фиолетовому ароматному презенту... и конечно, она поняла, что я украл сирень, а краденые цветы ценнее.

Приняв холодный и бодрящий душ, я уже наслаждаюсь крепким чаем, налитым заботливой рукой моей жены в одну из больших синих чашек, которые нам подарили на свадьбу мальчишки. Раньше на них были написаны наши имена и нарисованы сердечки, но бойкий – с подначками – текст и добрые рисунки стерлись, а глубокий синий цвет остался – это были старинные чашки, тогда ещё умели делать посуду разноцветной – и сейчас чашки почти ничем не отличались друг от друга, лишь небольшая выбоина на краешке не даёт ошибиться, где моя, а где – Эльзина.

– Как прошло дежурство? – задала Эльза риторический вопрос.

Вместо ответа я просто привлёк её и от души поцеловал (это означало, что у меня всё в норме).

– Ползунки не сильно баловались? – поинтересовался "обычной бытовухой" уже я.

Вместо ответа она от души поцеловала меня, это был наш ритуал, но не холодно-обязательный, а тепло-искренний. Если кто-то из нас пребывал не в лирическом настроении, мы не задавали этих вопросов и уж конечно не целовались так самозабвенно. А бывали и совсем серые дни, когда мы вообще не целовались, но таких очень мало наберётся в календаре нашей совместной жизни.

– Мне пора во дворец... – оторвавшись от меня, молвила суженная и не совсем ещё ряженая, и начала облачать свои прелести в обтягивающую униформу. Нет ничего прекраснее женщин в униформе... а нет, есть – барышни в чулках, на каблуках и в униформе... Как прекрасен этот мир всё-таки!

Видимо, всё дело в давлении и желчи. Вот я шёл домой голодный и злой, от этого по телу разлилась желчь и повысилось давление, поэтому я всех и ненавидел... а дома принял душ, выпил чай, обнял симпатягу жену – и всё сразу наладилось. И уже никого не хочется бить или убивать... такой вот счастливый быт, в котором и нужно жить. Я слишком стар, чтобы быть революционером, но слишком молод, чтобы быть реакционером. Помню и беспорядки (сам участвовал) и застой... Улыбаюсь супруге, она у меня симпампулька и очаровашка-кудряшка, и одновременно с этим совершенно реальная женщина, а не какая-нибудь абстрактная мечта. Она умеет готовить борщ... а всякие писанные красавицы из романов борщ готовить не умеют, они даже свёклу не почищают и забудут зажечь газ на плите, а без огня борщ не сварить... без горячей пищи – неминуемые голод и смерть... очередной чулок медленно обнял в свои объятия эльзину ножку и я стал думать не о пугающей и далёкой смерти, а о прелестях жизни на расстоянии вытянутой руки... и я даже словил жёнушку для окончательного поцелуя «на посошок»... а ещё прикрепил в петлицу её строгого платья веточку сирени:

– Тут есть цветочек с пятью лепестками...

– Скушаю и загадаю желание... – прошептала она мне в ухо и сильно чмокнула.

– Счастливо! – пожелал я ей и помахал вслед...

Эльза слегка прибавила ход по улице, так как слегка опаздывала во дворец, отчего её каблучки выбивали на мостовой потрясающую мелодию... ей за угол, потом через подвесной мост – на ту сторону реки во дворец, который раньше числился королевским, а сейчас это официальная резиденция магистра. В нашей семье эту личность не больно то и жалуют, так что для нас сие здание – королевский дворец. А служила там услада души моей фрейлиной, хотя по бумагам проходила горничной (в ведомости так и было написано: "и.о. горничной") и никогда не допускалась до тела королевы – да и зачем королеве фрейлины – она же спит в наглухо законопаченном саркофаге.

О чём только не успеешь подумать, пока твоя жenuшка походкой от бедра в довольно быстром темпе удаляется от гнезда... Очередной горячий глоток чая упал в мой желудок, заливая наспех разжеванные бутерброды с колбасой. После завтрака я поднялся на второй этаж и в спальне завалился на кровать, она редко выглядела так же опрятно, как её сестрица в спальне гостевой, что на первом этаже. Что ж – бывает. Эльза следит за порядком во дворце, я – на шлюзе, а в собственном доме нам не нужен порядок, нам нужно счастье, а уж счастьем тем более чихать на... ему бы только иметь под

боком счастливые головы – там норку подходящую и выкопает, а уж где эти головы, на каких подушках спят – счастьем без разницы. Глаза слипались, а сон не шёл. После дежурства, несмотря на усталость и на желание заснуть, сразу провалиться в сон мне никогда не удаётся, всегда долго ворочаюсь с боку на бок. Щурюсь из под полузакрытых век на потолок. Сейчас вылезут...

Ползунок выглядывал из гнезда всё дальше и дальше и долго решал – сплю я или ещё нет. Я сделал вид что сплю и он, набравшись храбрости, спустил клубок ниток и включил им цветной экран. Ползунки страшно любят смотреть по цветным экранам всё подряд, и представители семейки-роя, что вот уже как три года "квартируют" у нас, не были исключением. Скоро к первому ползунку присоединились два его приятеля, и они начали шубуршаться, толкая друг друга, чтобы занять место повыгоднее, один даже чуть не выпал из гнезда. Под их мирное шубуршание я незаметно для себя и заснул.

Ползунки

Чуша опять чуть не вывалился из гнезда, а ведь это могло разбудить хозяина волшебной сказки, и тогда её никто бы из нас не посмотрел сегодня – жуткая перспектива.

– Чуша, ты похож на лопотуна! – упрекнул я его, одновременно протягивая руку помощи.

– Сам ты лопотун! – не остался в долгу Чуша.

Лопотунами мы – существа лёгкого мира – называем двуногих великанов, что живут внизу в мире тяжёлом. Они постоянно лопочут что-то непонятное, часто делают это громко или даже очень громко. Мы же – пятнистые осы – свои споры решаем тихо, даже ссоримся тихо, да и как такие лёгкие, мягкие и пушистые создания, как мы, могут шуметь? Вабута же, пока мы с Чушей баловались, спустил моток крепкой веревки и включил волшебную сказку. Тут же все споры и разногласия были забыты и мы стали любоваться невиданным. Лопотун под нами заснул совсем (они иногда спят, а иногда совсем спят – такой уж у них характер) и лишь иногда мешал нам протяжным звуком: "Хр-р-р-р-м!" Да, забавные эти лопотуны штучки – даже во сне не забывают быть смешными.

Магистр

Поначалу я давал народу выбор и вместе со своей фамилией в избирательном бюллетене на высший государственный пост разрешал публиковать ещё несколько – так, для проформы. Выборы проходили сначала раз в четыре года, потом раз в пять, позже раз в шесть лет и так дошло до выборов раз в десять лет – чаще не нужно волновать людей, да и денег на исключительно формальные выборы уходит много, даже при том, что мы сильно экономим на почти вечных кабинках из серого алюминия. А потом я осознал, что лучший выбор для народа – это выборы без выбора. И фамилия в избирательных бюллетенях осталась одна. Моя. Самое время вяло крикнуть «Ура» и бросить в воздух конфетти серого цвета и разрешённого размера (не больше фундука), а то некоторые бросают всякий хлам – это уже правонарушение и за такое околоток положен...

Конституция у нас самая демократическая на старом континенте. Не удивительно это, ведь я к основополагающему документу руку приложил. И денег дал политологам, чтобы хвалили. В Третьем вечном магистрате декларированы: свобода совести, слова, печати, собраний и митингов, а также неприкосновенность личности и тайна переписки. А ещё всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. На деле же вся полнота власти принадлежит

мне. Ибо я знаю, что люди не рождаются равными, не живут равными и даже умирают не все в свой срок. А для понимания этой мудрости у нас есть пыточные камеры. Людьями хорошо управляет боязнь внезапной смерти, но смерть под пытками – это наилучшее политическое оружие.

Сижу, читаю очередные сводки – в провинции всё спокойно, а в столице снова были попытки организовать незаконное шествие. Мятежники, видите ли «просто гуляют» по проспекту. Нет, это не просто гуляние, это протест! Против моего – самого лучшего на свете! – правления. В столице серая стража задержала около 48 человек. Опять разгильдяйство. Что значит около 48 – это всё-таки 47 или 49 протестующих? А может, они упаковали в зарешеченную повозку женщину, беременную тройней? Я же давал указания беременных отпускать... Что за люди... вот Рыжий протесты давил, так давил, вот был человечище! Во время восстания в индустриальном городе Монобахе, он утопил бунт в крови. А выживших мятежников распял по дороге до Рима... я ехал по этому коридору и выжившие умоляли их прикончить... помню их стоны... Да – вот были времена! А Рыжего я отравил лично... никому не смог доверить это задание... во-первых, он слишком много знал, а во-вторых, он был амбициозен... рано или поздно это закончилось бы заговором... зато теперь у нас есть ещё один официальный герой в пантеоне славы... мёртвые герои – самые лучшие...

Иду по коридору, сворачиваю, очередной охранник с ар-

балетом вытягивается в струну... вот ведь он может выстрелить в заговорщика, а может и в меня... в спину... я гоню эту мысль от себя, но каждый раз она возвращается... легкое движение пальца, тренькает тетива, но этого звука я уже не услышу... Вот поэтому и надо проводить регулярные репрессии и среди народа и среди репрессивного аппарата – чтобы даже мысли не возникало, что можно покуситься на меня.

Боцман

Художник пришёл в город как всегда неожиданно. Конечно, ночные тучи перед его приходом бегали по небу как-то уж слишком затейливо, но ведь это могло быть просто следствием их игривого настроения (а точнее не их – а юго-западного шалуна ветерка), никак не связанное с приходом художника. Однако Художник пришёл в подтверждении моей "тучной" теории, в которую Эльза никак не хотела поверить. Я тогда сказал: "Вот видишь, любимая, тучи бегали по небу затейливо и художник пришёл". На что свет очей моих ответила как всегда логично: "Не надо пудрить мне мозги, когда я готовлю кофе". Ей действительно не надо пудрить мозги, когда она колдует над кофейком, а то можно получить горячим кофейником по башке, а ведь тогда пить этот кофе будет уже затруднительно – придется ждать следующей порции, а кто её будет готовить? Я все эти тонкости прекрасно знал, поэтому быстро ретировался из кухни на крыльцо, где сидел Художник с Верой и у них у обоих были загадоч-

ные глаза. Разверну загадку: художник блестел очками, Вера – золотыми кудрями, у обоих были глаза слегка ненормальные. Парочка ненормальных подданных Магистрата (скорее не подданных). Как такие люди могут жить вместе? они же сумасшедшее нас с Эльзой! Как такая парочка вообще может жить в нашем государстве? Явный недосмотр магистрата. Я улыбнулся им, они улыбнулись мне – так вот мы решили в этот раз поздороваться, видимо, не хотели тревожить тишину.

Наверное, они будут рисовать синих слонов. Я не угадал – они стали рисовать синих котов, которые летали верхом на лиловых крокодилах и жёлтых драконах, и даже эти зубастики получились весьма дружелюбными и очень понравились местной детворе. Художник придерживался одной манеры (или принципа): не нужно рисовать всякие ужасы, их и так в нашем мире полно, если уж взялся за кисть – рисуй что-нибудь доброе и вечное. Очень правильный подход, я считаю!

Наблюдение с моей колокольни, а точнее с моего шлюза: художники – люди слегка не от мира сего, может быть, где-то и есть мир, в который рисующие люди вписываются гармонично, но только не в наш, точнее не в наш теперешний. Когда-то давным-давно художники были в чести у королей и королев нашей славной страны, но с тех пор как заснула последняя из них... как бы это объяснить в двух словах? Много кисточек безвозвратно засохло. Художники стали никому не нужны. Ведь секрет цветных красок потерялся среди де-

брей серого цвета и сохранился только в королевской библиотеке, но вход туда простому смертному заказан и двери в это святое святых может открыть только Сама, ну а пока королева спит.

Хотя знать иногда приглашала художников к себе в покои, для того чтобы те нарисовали серые портреты всякой дворцовой шушеры, которую даже если раскрасить настоящими несмываемыми красками всё равно останется серой, как столетняя пыль. Такое занятие сами художники называли шабашкой и пользовались им в исключительно редких случаях. Обычное же их занятие: разрисовывание цветными красками...

[Цветные краски в магистрате – это дурной тон у знати, вот серыми красками – а они несмываемые – можно рисовать практически всё, что угодно, кроме... и тут разворачивается длинный список от мачехи для талантов Цензуры.]

...фасадов домов простых граждан к праздникам – день рожденьям, свадьбам, именинам и так далее, – а ночью дождь смывает их рисунки в сточные канавы. Да, у нас же в Лас-Ке почти каждую ночь идёт дождь – это сделано в стародавние времена для удобства, ведь если дождь идёт каждую ночь, то он уже неохотно выходит из своего домика днём и его поведение, таким образом, не мешает людям спокойно обделывать все свои "дневные" дела, а они же самые важные.

Большая экономия для городского бюджета!

Художники не расстраивались от того, что у их шедевров была такая быстротечная жизнь, и переходили от здания с уже смытой дождём картиной к другому дому, где намечалось торжество, чтобы раскрасить его стены в веселые тона. Это уже не считалось шабашкой – это настоящее творчество, и за цветные полотна художники брали суммы, покрывающие лишь расходы на краски, на еду, ну и плюс командировочные, а также запасную еду и запасные краски... и в свете контекста – ведь у каждого свои представления о запасе – порой художники брали денег много, хотя высокие цены могли позволить себе лишь именитые представители карандашей и кисточек, а знаменитыми художники становились в основном после смерти (в наших краях и в наше время – чаще всего насильственной, а иногда ещё и мучительной).

Кстати, если теперь приглядеться на раскрашенный фасад нашего дома, то среди котов, крокодилов и драконов можно было найти и автопортреты художников. Коты были любимой темой Художника (вообще-то его настоящей имя Дима, но все зовут Художником – не знаю, почему и не хочу знать, меня же называют Боцманом, хотя я никогда не ходил в рейс на чем-либо с парусами или без). А наш магистр Маркел – так его и растак! – любил котов в целом и их рисунки в частности, и самой выгодной шабашкой считалось получить заказ на портрет его очередного любимца или очередной любимицы. К чести Художника надо сказать, что для Маркела

он котов ни разу не рисовал. Кому угодно рисовал за просто так, а магистру – ни за какие деньги. Это он так протестовал против запрета...

– Дядя художник, раскрась моего змея! – кричал карапуз ростом с большую кеглю для боулинга, и своим криком сбил меня с мысли.

– И мне, и мне! – вопил ещё один пузырь (пузырями я называю всяких карапузов, которые не могут ещё самостоятельно делать змеев). Правда некоторые взрослые даже очень высокие и мудрые тоже не могут делать змеев, но мы же с вами не обращаем внимания на всяких дремучих личностей? И без них в мире полно скуки. Пацаны более старшего возраста, то есть уже не пузыри, держались достойнее, старались казаться веселее и не мешали художникам рисовать лиловых крокодилов. Среди подростков выделялся и мой знакомый по прозвищу Шкет, он умел плевать сквозь зубы и имел ещё одно неоспоримое достоинство: открытая ему тайна ни при каких обстоятельствах не доходила до ушей серой стражи – а это дорогого стоит в неласковом городе Рима, который когда-то назывался Лас-Кой.

– Привет, Боцман! – поприветствовал меня Шкет.

– Мочи корягу! – сказал я и протянул ему свою пятерню.

Сначала «коряга» утонула, потом «краб» убежал, но после известных махинаций с рукопожатием, его ладонь утонула в моей, но он все равно приложил все усилия, чтобы рукопожатие не было медузоподобным, ведь ещё мудрецы древно-

сти говорили: не доверяй людям, у которых холодные и вялые руки.

– Сегодня? – спросил Шкет и подмигнул мне так, чтобы этого никто кроме меня не видел.

– Если жена отпустит.

Это были несекретные пароли. Шкет поинтересовался у меня: будем ли мы запускать сегодня ночью змеев, а я ответил: обязательно будем. Эльза могла запретить мне многое, но только не змеев, она знала – для меня это важно.

– Ты теперь живешь в доме с котами, – объявил Шкет.

– И крокодилами с драконами – целый зоопарк! – уточнил я. – Одних ползунков мне было мало, но это на один день.

– Ясное дело.

Дело действительно было ясным: держать в доме ползунков, как и цветные краски, тоже было дурным тоном и считалось предосудительным у знати. Я как сторож шлюза «элиты» нашего столичного общества не интересовал, поэтому мог себе позволить лицезреть в моем доме тех, кого я хочу, а не тех, кого считается приличным принимать. И не беда, что цветные коты, крокодилы и драконы проживут лишь один день – спецы кисточек нарисуют ещё. После того как Художник закончил роспись змеев для детворы, он кивнул в сторону чердака. Я тоже кивнул в ту стороны – так мы договорились. Оставив своих благоверных на кухне готовить амброзию и перебивать наши косточки, мы поднялись по скрипучей лестнице и выбрались на крышу. Художник закурил и

стал пускать кольца, а я посмотрел на дым и упругие обручи из него, и вычислил – откуда ветер дует... а когда сориентировался, то сел с наветренной стороны к Димону – я не люблю вонь табачного дыма, а тем более дыма не совсем табачного. Но, видимо, тяжело рисовать синих котов с лиловыми крокодилами и жёлтыми драконами без допинга и поэтому он позволил себе это маленькое и абсолютно противозаконное в наших краях удовольствие.

– Не женился ещё? – задал я "трудный" для Художника вопрос.

– Не дождётесь!

– Я-то не жду, а вот Эльза давно мечтает поженить тебя и Веру.

– Два гения в одной семье – это слишком много.

– Ну, мы же живем... – протянул я многозначительно и мы расхохотались.

– Будешь сегодня запускать змеев с пацанами? – в свою очередь задал вопрос Художник, коснувшись уже "трудной" для меня темы.

– Ага.

– Не надоело?

– Нет смысла запускать змеев, но нет смысла их и не запускать.

На самом деле для нас не было трудных тем, и в этом мы были похожи, пожалуй, это было единственное, в чем мы были похожи.

– Тебе надо покурить, – художник предложил мне трубку из красного дерева, собственноручно вырезанную и украшенную резьбой.

– Уж лучше я напьюсь и меня посадят, чем накурюсь и меня повесят.

Надо сказать, что за курение табака в нашем королевстве положен немалый штраф, а за курения не табака – виселица, но без штрафа (и пусть ваши извилины пощупают разницу), считается, что два раза наказывать за одно и то же нельзя – у нас эра гуманизма и этого... как его... человеколюбия.

– Ты улетишь от палача, – сказал он и сделал очередную затяжку.

– Почему-то это пока никому не удалось.

– Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста! – донесся снизу ангельский голосок Эльзы.

– Семь секунд! – прокричал я, но пришли мы значительно позже к полубеду или полужину, за что и получили нагоняй.

К еде присоединился Малыш – кот художников или художнический кот. Весил он со среднюю собаку, но был меньше, а значит удельно-тяжелее. Любимым его занятием было клянчить еду. Он всегда ходил за художниками (в смысле принадлежности) и чуть позади них (в смысле относительно местоположения), как бы отдельно. Как только на горизонте показывалась что-то съестное с его точки зрения, он спрыгивал с солнечного лучика – а путешествовать на своих

четырёх лапах ему было слишком утомительно, – и отбирал свою законную десятину. К тому же Малыш мог разговаривать. Для этого достаточно было заглянуть к нему в жёлтые глаза и не мигать некоторое время. Потом к вам приходило ясное и недвусмысленное понимание того, что Малышу жизненно важно поест именно сейчас, иначе это доброе и беззащитное создание умрет с голодухи, причём прямо на ваших руках, которые уже онемели держать такую мохнатую тушу. Обычно после этого люди понимали, что Малыш – кот говорящий и больше с ним не разговаривали, чтобы не перенапрягаться. И конечно несли коту всё, что могли найти в закромах.

Умяв нехилую порцию жрачки, этот представитель гордой породы кошачьих вымогателей осоловелым взглядом окинул гнездо ползунков и решил их не трогать. Так происходило каждый раз, когда он сваливался в нашем доме на постой (иначе бы я его на порог не пустил) и поэтому все ползунки у нас до сих пор живы (с другой стороны и Малыш до сих пор жив). Сладко почивал он там, где падал, а приземлялся там, где ему надоедало жрать. В этот раз Малыш растянулся в углу гостиной на коврике под цвет своей шерсти: белая туша на белом ковре, а коричневые лапы доставали до темных некрашенных досок пола, усища левого борта торчат по военному в потолок, но никакого беспокойства ползункам не доставляют. Даже наоборот, жители верхатуры устроили шубуршащий хоровод вокруг спящего – а значит, без всяко-

го сомнения, доброго – Малыша.

А ещё благодаря художникам моя благоверная покрасила плащ в радикально жёлтый цвет. Не на долго – до первого ливня, который смое иллюзию... погода у нас изредка балует и ливень может пройти днём... при королеве такого не было! Но пока это был чудо плащ, жёлтый аки полуденное солнце или глаза яичницы... Эльзя придерживалась правильной стратегии в ношении плаща: ноги всё равно промокнут, так зачем их закрывать, тем более, если они такие красивые? Так что фигуристые ножки моей женушки плащ закрывал не более, чем на два дюйма, ну и приличия соблюдались или нарушались в меру... мужчины на улицах не могли спокойно смотреть на шагающую на высоких каблуках в таком коротком плащике Эльзу... и я их прекрасно понимаю.

Ползунки

В гости к нашему лопотуну, а «нашим» мы называем лопотуна, в пещере которого мы свили гнездо, пришли цветники. Цветники – это такая порода лопотунов, которые всё вокруг себя измазюкивают разноцветной пылью. И ведь знают же, что большая вода с неба сотрет всю эту мазню в тёмное время, но все равно копошатся внизу и не дают нам заниматься серьёзными делами, вроде похода за крепкой веревкой или просмотра сказки. Да и какими делами можно заниматься, когда пришли цветники – наблюдать за ними просто умора и даже угрюмый Борщ выполз из гнезда и самодовольно потащил свою раковину к карнизу; прикрепившись к нему прочной верёвкой, он с видом осы, которой все в мире давно знакомо и которую ничем нельзя удивить, стал пялить на цветников свои фиолетовые глазища, которые были больше чем у любой осы нашего Верескового роя раза в два. Он прятал усмешку в усы, но меня обмануть не смог – я слишком наблюдателен, чтобы не заметить – Борщу нравится смотреть на то, как внизу цветники делают смешные вещи. В этот раз цветники нарисовали усатых всадников на лошадях и пони с большими зубами, но лошадки и поньки у них получились какие-то плоские. Нет, положительно цветники не умеют точно малевать окружающий мир, зато они могут делать весело, а значит, они нужны там, в тяжёлом ми-

pe.

Магистр

Читаю сводки полиции нравов и чуть не плачу. Как под копирку – индекс доверия к магистру (то есть ко мне) увеличился на столько-то пунктов, тревожность населения уменьшилась, количество правонарушений снизилось, раскрываемость повысилась и так далее... Сопли в сахаре! У силовиков чем ближе к коллегии ведомства, тем сводки всё лучше и лучше, а после итогового совещания индексы начнут лёгкое снижение (не падение, а именно снижение), чтобы через полгода отправиться в уверенный рост и так до новой коллегии... они так и не поняли, что я вечный и всё – точнее почти всё! – помню.

Даю указание ужесточить борьбу с запускателями змеев. Сегодня они что-то в небо запускают, потом начинают задумываться, а потом полезут на колокольню, чтобы проверить миф... нет, королева не проснётся! Она никогда не проснётся! Я об этом позаботился. Улыбаюсь, и от моей улыбки замирает сердце секретаря... боится, значит уважает.

Так надо.

Боцман

Ночь. Ветер. Дозор серых. Вот странно, у нас же сейчас всё серое: и магистрат, и магистр, и знать, и простой люд, и стража, однако только к патрулям прилип обыденный для нашего королевства эпитет "серая". И вот серые крысы в мундирах протопали по нашей улице – теперь можно выходить. Я пробрался на чердак, потом на крышу, потом перепрыгнул на соседний дом. Порядок. Здесь меня уже поджидал Шкет, под мышкой он держал своего нового змея. Мы стали топтать крыши домов, следуя намеченному загодя маршруту.

– Всё тихо? – спросил я у Шкета.

– Серые прошли, – ответил он. – А ветер знатный!

– Да, самое то.

Выйдя на точку сбора, мы подождали Малоя, который ростом был ниже Шкета, но зато у него была почти абсолютно круглая голова, и Винта, тот был тощ так, что более напоминал гвоздь, но, как говорится, прозвище если уж раз пристало, то на всю жизнь. Теперь можно начинать. Но нужно ещё проверить ветер. Я дотронулся языком до нёба, а потом до неба, это сделать легко: надо только вытащить язык изо рта как можно дальше и запрокинуть голову – тогда он достаёт аккуратно до небес.

– Куда ветер дует? – спросил меня Винт, дождавшись окончания ритуальных манипуляций.

– Змеи будут довольны, – сообщил я ему и всем остальным благостную весть.

Мы стали отпускать с катушек суровые нитки и "сплавлять" наших змеев на волны ветра. Мой змей – почти стандартный в виде ромба, но большой – аршин в ширину и полтора в длину, хвост тянул так вообще на все три. У Шкета оказалась этажерка (я в темноте не заметил сложности конструкции его змея – подумал сначала обычный прямоугольник), причём сделанные на её плоскостях надрезы нежно шептали в ночь: "фьють-фьють". Малой как всегда проявил чудеса аэродинамики и сделал нечто похожее на мохнатого шмеля, даже я не очень понимал, за счет чего это сооружение летало, и уточнил:

– Ползунков мертвых внутри нет?

– Обижает, Боцман! – строго ответил Малой.

Я ему поверил: использовать мертвых ползунков в конструкции чего-либо летающего было дурным тоном всех змеевиков. Винт запускал парного змея: на катушке вращались две вогнутые лопасти, они загребали воздушный поток и быстро поднимали змей в высоту, чем сильнее был ветер – тем больше подъемная сила, я даже порой боялся, что змей унесет Винта в небо. Он бы стал первым винтом, завёрнутым в небеса! Но обошлось, а с другой стороны можно поинтересоваться: «зачем небу винт? оно же и так там на верхотуре неплохо держится».

Где-то час мы резвились, а потом нас заметила стража.

"Змеевики, сдавайтесь!" – завопили серые нам снизу, на что мы ответили дружно на счет три-четыре: "Пархатым крысам – серая смерть!" Стражники не очень-то любят, когда их называют крысами, ну а от крыс-пархатых – вообще заводятся по полной, то есть окрысиваются до звериного состояния. Мы рассыпались и стали уходить огородами (на нашем арго, огороды – это оранжереи любителей цветиков и прочей ботвы). Змеев оставили привязанными к угловым ограждениям крыши, и они ещё долго нарушали ночной порядок, ведь ведущую на крышу дверь мы основательно подперли хорошиими брусьями – такие ломай не ломай, а раньше чем за полчаса не протаранишь. Проснулись окрестные жители и стали выглядывать в окна: вид четырех гордо реющих змеев и бессилие стражников веселило народ. Акция удалась на славу и закончилась без потерь – все благополучно добрались до родимых гнёзд. А я долго ещё сидел на крыше своей хибары и просто глядел на звёзды. Когда я таки добрался до спальни, Эльза уже спала... полупроснувшись от качки, которую я вызвал на кровати, и от запаха ночи, что я принёс с собой в постель, она что-то невнятно пробормотала и отвернулась от своего благоверного, то есть от меня.

С утра я мучался: Эльза не одобряла мои занятия змеями в целом и запуск их по ночам вопреки запрещающему указу магистра (а есть, интересно, что-нибудь разрешающие указы Маркела?) в частности. Мне было немножко стыдно, но не потому, что я был виноват – нет, а потому, что грустна бы-

ла моя половинка, а когда твоя любимая на тебя сердится, на душе становится тяжело. У Эльзы есть три степени осерчания на меня: стадия первая, когда она шлепает меня рукой или чем потяжелее, например, скалкой, и говорит всякие резкие слова. Эта стадия легкая и часто заканчивается объятиями, поцелуями и другими приятственными занятиями. Стадия вторая, когда она плачет. Это жутко – при виде такой мокрой картины у меня сердце кровью обливается, и я места себе не нахожу. Готов на всё, в том числе на подвиги, к примеру, сменить работу на более денежную, завязать со змеями и так далее в русле «выпрямления» образа жизни. И наконец самая страшная – третья стадия, когда Эльза не ругается, не плачет, а лишь молчит и вздыхает тихо-тихо, вот так: "ах". Тут моя житейская мудрость дает сбой, я мучаюсь от вида супружницы в таком состоянии, от осознания того, что в этом виноват я-чурбан-неотесанный, и пуще всего потому, что ничем не могу это её состояние изменить, хотя бы даже на стадию вторую. Хорошо, что у Эльзы третья стадия была всего два раза за время нашего брака и ещё один раз до. Значит, этот раз аккурат четвёртый. А главное я начало проморгал. Только художников проводил, они на заработки пошли – у семейства Лужниных на носу маячил юбилей и они заказали расписать их дом в розовых тонах; только вернулся, чтобы сказать любимой и единственной, а также кормилице и умнице, что она любимая и единственная, а также кормилица и умница, а она молчит и только так тихо-тихо вздыха-

ет: "ах". Кошмар продлился целый день и – о ужас! – целую ночь, то есть цельные, крепко сбитые календарные сутки. На следующий день у меня была смена, и я пошёл на шлюз с тяжёлым сердцем, но все легче работать, чем сидеть дома в напряжении, давая пустые обещания и мучаясь. Эльза же знает, что с такой левой рукой как у меня другая должность для меня заказана, что змеёв я не брошу, как не брошу и ночные вылазки с мальчишками, что... да много чего знает моя умница!

Заломило... я потёр локоть и поморщился – знакома мне эта боль, к перемене погоды... Левую руку я повредил давно, точнее мне её подбили давно. Я участвовал в мастеровых демонстрациях, ставших сейчас легендарными, тогда это были обычные беспорядки, простой несознательный дебош масс. Требовали увеличить зарплату и уменьшить продолжительность рабдня. Разве это политическая программа? Короче, без ясной цели переустройства мира, без серьёзной организации наш всплеск гормонов побуянить был несистемной глупостью. Дурака валяли десять, нет, одиннадцать лет назад, тогда все молодые подмастерья города вышли на улицы, предварительно хорошенько нагрузившись... Вышли и увидели, что вокруг много таких же молодых... предположим надежд нашей родины, хотя можно выразиться и по-другому: ублюдков. А когда молодых и горячих на улицах много, тогда они сами заводят себя и устраивают беспорядки. Сначала требовали повышения стипендий и зарплат, которые не

выплачивались уже три месяца, а также восьмичасового рабочего дня, потом немного побили витрины, ну и чуток пограбили... а уж потом стали хулить весь магистрат и магистра особенно. Ясное дело, на подавления стихии "верхи" бросили войска, чтобы нас, молодых и горячих, остудить. В таких конфликтах бывает жарко: мы бросаем в солдат чем придётся (хотя они-то в задержке стипендий и зарплат совсем не виноваты), а они нас успокаивают тем, что есть в арсенале. Вот тогда мне в левый локоть и попала арбалетная стрела без наконечника. Если бы с наконечником, то прошила бы такой болт и руку и бок – как пить дать, но тогда бы уже никогда не узнал я прелестей супружеской жизни с Эльзой и много чего ещё. Но и стрелы неоконченной хватило, чтобы навсегда рука стала калечной – двигается замедленно и не может поднять выше плеча ничего тяжелого.

И жизнь дала трещину. До беспорядков я учился на плотника, но какой плотник может получиться из полутороручного паренька? Правильно – никакой. Плотник нужен двурукий. И конечно, пенсию мне по инвалидности не выплатили, сказали так: "Когда вас ранило, вам надо было на другой стороне быть". Очень округло звучит «ранило», не правдали, вроде и не виноват никто, ранило и всё. С тех пор перебиваюсь, где придется, стараясь выбирать работу по себе (то есть не пыльную), а не подстраиваться под всякие сложные работёнки. Вот и на шлюз устроился почти без блата, охранять жутко стратегический объект от... честно говоря,

я не знаю зачем на шлюзе охрана. Скорее всего, чтобы лихие люди не привели в действие механизм ворот и не спустили бы воду, устроив, таким образом терракт, – наводнение в столице. Хотя и это маловероятно – механизм старый, везде проржавел, да и напора воды хватит лишь на то, чтобы смыть немного хлама с берегов замусоренной сейчас реки Волжанки, в старых легендах-полусказках поется-выводится, что когда-то она была могучей, широкой и чистой, да и звалась по другому – Ра (священная), но это предания давно минувших дней.

Вот и охраняю я рухлядь, уходящую "корнями" в грязную речушку, ночь через трое, с одной стороны, работа на шлюзе не бей лежачего, с другой стороны, крайне непопулярная для "нормальных" людей. Дело в том, что в старинных помещёниях шлюза иногда происходят тёмные делишки. Например, старик Михеич однажды постарел за одну ночь на двадцать лет – после этого и стали называть его стариком, ведь до той ночи было ему сорок три года с несколькими месяцами. Когда пришёл сменщик, то не сразу и признал в сгорбленном и седом старике крепкого Михеича. Но это дело прошлое и запутанное: сам пострадавший ничего не рассказал о той ночи, только запил сильно и так до сих пор побирается по кабачкам и барам. Коллеги, сторожа и охранники ему бесплатно наливают – своего рода пенсия. Только многие заплатят за его выпивку и отвернутся, или пойдут пить в другой кабак – не легко смотреть в глаза твоего вероятного будущего. Ра-

зумеется, мы все умрём, только не всем эта мысль по вкусу и многие её всячески затирают поглубже под черепом.

Нечисть на шлюзе проявляет себя чуть ли не каждое дежурство: здесь поскребёт, тут проверит на прочность засовы, под дверью может поковылять – короче, скучать нам, четырём штатным сторожам, не даёт. Вот поэтому-то работают на шлюзе только люди не совсем дружащие с головой. Кроме меня, в штате числятся, а значит и жалование получают, но не просто чистятся и получают деньги, а ещё и живы, что важно: Ардо – чёрный мужик, он перенес чёрную лихорадку – болезнь почти со стопроцентным летальным исходом, которая ссушивает тело в мумию и вытягивает из человека здоровые краски, оставляя лишь одну – краску смерти, редкие выжившие чернеют кожей навсегда; который за все то время, что я его знаю, сказал лишь три слова и все они были матерные. Вилариба – веселый и бесшабашный пожиратель дамских сердец, однако с прибабахом: верит, что ползунки управляют нами, мол, мы существа несамостоятельные, марионетки в их маленьких лапках. Крендель – любит выпить, гульнуть, всегда при деньгах, что при нашей зарплате тяжело себе даже представить, а значит, скорее всего – агент охраны. Доказательств нет, поэтому мы его не повесили. Но мы с ним не пьём, на всякий случай. Такая вот подобралась компания. Ах да, забыл сказать о Слепом – старом лоцмане, он живет при шлюзе и подправляет всё, что отвалилось или сломалось, а также присматривает за объектом днём (смена сто-

рожей длится с шести вечера до девяти утра). После девятого удара часов – а их звук с Башни точного времени прекрасно слышен на шлюзе – дежуривший в эту смену сторож идёт сдавать заводные ключи и отмычки от дверей, которые лишились всех ключей и дубликатов в незапамятные времена Слепому, а его спрашивай, не спрашивай, что случилось с другими сторожами в их дежурства – все одно услышишь единообразное: «А что с вами, шалопутами, может случиться?» и лишь иногда, по собственной инициативе, он может рассказать про баловство нечисти в предыдущее дежурство, которое на самом деле могло случиться лет десять назад – Слепой не сторонник гипотезы линейного времени, для него вчера может быть сегодняшним днем, а завтра – вчерашним. К тому же, как заметил древний остряк: «завтра сегодня станет вчера» – как тут не запутаться? Только по выходным – дежурства суточные, и мы сдаём вахту не Слепому, а другому ночному сторожу. Вне работы мы между собой видимся редко, да это и понятно: у меня жена и змеи, у Виларибы – бабы и разгадывания всемирного заговора ползунков, у Ардо – его молчание и одиночество. Ну, а у Кренделя его легенда и, возможно, его служба в охранки (мы его не увольняем и не бьём, потому что лучше доносчик известный, чем стукач, не обнаруженный). Один лишь раз мы все втроем напились: когда слух прошел, что королева проснулась. Подобные слухи постоянно циркулируют и в столице и в провинции, но тот был наиболее будоражающий – кто-то во дворце видел коро-

леву распекающую магистра! Но чуда не случилось и лишь Эльза на следующее утро лечила мою больную голову и ругалась на остолопов-охранников, которые могут и шлюз пропить ради своего ненасытного брюха. Можем, конечно, только кто ж его купит? Когда вы доходите до мысли, что неплохо бы чего-нибудь продать на сторону из закровов родины, оказывается, что более шустрые умники уже всё продали и пропили.

К слову, мёртвый пёс Алый как-то чует нечисть и предупреждает о ней стойкой – нос указывает направления вылазки плохих существ. Овчарка никогда не лает, ведь мёртвые собаки не лают в принципе.

Магистр

Либеральное крыло в моей пирамиде власти иногда бурчало, мол, слишком много репрессий кругом. Например, зачем бороться с запуском змеев – это ведь вполне безобидное занятие? Дураки. Всё с этого начинается, сначала ты нарушаешь малый запрет, потом входишь во вкус и вот уже организуешь тайное общество, направленное на свержение меня. От запуска змеев до бунта – дистанция не такая большая, как кажется глупым людишкам, не видящим дальше собственного члена. Так что серая стража занимается вполне логичным и оправданным делом – ловит молодых и безбашенных людей, которые запускают змеев. Довольно лениво ловит, многие ускользают от обязательных работ в трудовых лагерях. Отчего уже репрессии случаются в самой страже...

А уж сколько копий было сломано по поводу Ордена меченосцев. Зачем он, для чего? Ведь есть серая стража, армия и даже какой-никакой речной флот... а тут целый новый Орден, это же налоги... в деньги упёрлись, как будто деньги – это главное. Пришлось несколько ряды моих верноподданных почистить. Как раз с помощью Ордена меченосцев. А потом проредили и сам Орден, ибо те, кто получают власть карать и миловать других людей, неизбежно портятся характером. Не все выдерживают испытания славой или деньгами,

а уж испытания властью – и вовсе единицы. Я – исключение.

Долгим воспитанием и немного принуждением я постепенно приучил население стучать. Не нужно шпика ставить около каждого дома, соседи сделают за него работу лучше и бесплатно. Только людей надо заинтересовать... и вот уже по всей стране раздаётся тук-тук... тук-тук... тук-тук... и серые повозки едут по адресам неблагонадёжных. Да, часто анонимки приходят совсем не на врагов народа, но лучше осудить девять невиновных, чем не посадить в концентрационные лагеря одного виновного...

Одобрил новые плакаты со мной. Для них позировал двойник. Хорошо получилось. И никакой я не диктатор, просто у меня лицо сердитое. Улыбаюсь вошедшему генералу... он что-то побледнел. На всех действует моя улыбка, ведь за всяким есть грехи... и в Ордене меченосцев о них знают.

Боцман

Прибежала Эльза и выдохнула: «Кротова забрали!» И вот мы с ней уже летим к нашим знакомым. Не слишком близких... но когда к вам ночью приезжает серый воронок и увозит отца, мужа, кормильца... тогда не до вычислений степеней дружбы.

Так и есть – Лена ревет белугой... а ей сейчас волноваться нельзя – на сносях она. Соседка уже валерьянку кападет в стакан с водой... ещё несколько сочувствующих подтянулись... но пока наблюдается неразбериха в комнате. И тогда Эльза берёт штурвал на себя – быстро организует всех... а главное она так смогла воодушевить Лену, что та забыла о рёве и слушает... Эльза обещает до самого магистра дойти, но Кротова вернуть... я с трудом вспомнил его имя – Максим, он всегда был просто Кротов, такой мягкий, рыхлый мужичок с толстыми очками на носу. Занимался астрофизикой, ну то есть тем, что не на нашей планете, а значит очень далеко от жизни. Получал там крохи в этой Академии наук... и кто же на него наступал? Я стал более пристально оглядывать соседей... или они... или в Академии стукнули... Ибо Кротов – никакой не «враг народа», а точнее – не враг магистру, чтобы его забирать! Значит, анонимщик позарился или на квадратные метры жилья или на должность. Больше нет вариантов. Просто так Ордену меченосцев Кротов не нужен. Хотя, мо-

гут его тряхануть, чтобы показания дал, например, на своего начальника... или друга... или соседа... и так бывает. Нет, Максим долго в подвалах Ордена не протянет...

Ох, как я ошибся!

Королева

В тот незабываемый вечер я слегка пригубила из бокала шампанское – м-м-м! – чудесное, с клубничным вкусом, но не с приторным, а в меру – как я люблю. Магистр специально выписал три дюжины ящиков из Восточной Рускании. Но не успела я насладиться вторым бокалом (а первый подали сразу после удара колокола), как меня потянуло в сон, да так стремительно стало в него засасывать, что я даже не успела дойти до опочивальни, и стала падать, падать, падать...

Просыпаюсь, разлепляю тяжёлые веки. Королевство очень похожеё на моё. Только в нём королева почему-то спит. Долго не просыпается, наверное, она заколдована. Коварный магистр устроил заговор, но он знал, что убить королеву нельзя – народ взбунтуется и разорвет на куски обладателя восьмиконечной звезды на груди. Поэтому он усыпил королеву и всем рассказал о постигшей страну беде. Траур длился месяц, а потом мало-помалу люди привыкли, привыкли к тому, что королева спит в прозрачном саркофаге... Я попробовала проснуться – сон был слишком реалистичный и недобрый, можно даже сказать, что это был кошмар – ведь поначалу демократическое правление магистра обернулось сначала диктатурой, а позже и тиранией. Знание он спрятал под замок в библиотеке и запретил туда доступ. Ползунков объявил вредными существами, приносящими в дом

горе, и вкуже запретил курить не табак под страхом смерти, и много чего ещё стало вдруг нельзя делать, в частности выпускать свои газеты – газета осталась одна промагистровская. Усилием мысли мне удалось проснуться. Я снова оказалась в королевстве, очень похожем на моё. Магистр усыпил королеву... Стоп, стоп, стоп! Опять тот же сон! Вложенное сновидение – это уже серьёзно. Так, главное не паниковать и сосредоточиться на намерении проснуться по-настоящему.

Мне это удалось. Перед моим взором предстало королевство очень похожее на моё...

Разобравшись с правилами этой игры (а я решила воспринимать это нестандартное для особы королевских кровей положение как игру, а не как безнадежную ситуацию или проблему), я приступила к действиям уже направленным не на выход из игры, а на её коррекцию. Это у меня получилось не сразу. Примерно сорок лет ушло на учёбу, потом ещё сто сорок на закрепление, а к третьему столетию экспериментов и результаты появились... Теперь я могла манипулировать некоторыми персонажами из моего королевства, которые не спали всё время (как я – бедняжка). Мне удалось наладить контакт с герцогиней Александрой, иногда меня воспринимал Боцман, но этот раздолбай тут же переключался на такие игривые сценарии, что толку в них задерживаться не было никакого, по крайней мере, для игры. Хорошо ещё, что я в своё время – в большой тайне от родителей! – покурила не табак и не терялась в дебрях алогичных сновидений.

Шут

Азм есть идеальный шут её величества! Вот только в эпизоде с шампанским я королеву подвел. Крепко подвел. Можно сказать смертельно или брутально подвел. Ну и подвёл, бывает... У меня даже оправдания есть: откашливаюсь, шаркаю ножкой, делаю понурый вид, это... того... в общем... и целом... дела у меня были, не требующие отлагательства, гораздо более важные, чем государственные. Вот я и не успел предупредить мою любимую ВВ (так я обозначаю её величество) о том, что клубничные пузырьки несут долгий сон. А она любила пузырьки. Впрочем, не правильно употребил глагол. Она любит пузырьки, особенно клубничные. Королева заснула. На меня объявили охоту. Магистр не простил мне пару шуточек над собой. Клянусь, что они были совершенно не смешные: про его лысину, про пунктуальность и про маню думать, что он любит кошек – на эту он особенно обозлился. И меня неминуемо укоротили бы на целую голову, да только вот никак не могли найти. Маркелу докладывали, что я покинул королевство. Но я не только не покинул пределов Лас-Ки, я самым наглым образом спал во дворце. Как такое возможно? Очень просто. Мне не нужны деньги. Вот я и тратил всю свою зарплату на подарки придворным, фрейлинам, охранникам, поварам, трубочистам и прочим дельникам (в отличие от бездельников, которым от меня перепла-

дали только шуточки, как всегда несмешные). Кому нужна была медовуха, получали от меня самую лучшую медовуху, какую только можно было достать. Кому нужен был не табак, получал кисетик-другой отличнейшего не табака. У кого сердце заходило от блеска бриллиантов, получал (чаще получала) бесцветные камешки высшей пробы. А ещё я знал все – то есть действительно все! – тайные покои, ходы и секретные комнаты. Короче меня было архитрудно выловить во дворце. Единственное чего я никак не мог сделать – это разбудить королеву. От одной мысли, что я ударю в колокол, а ВВ не проснётся, меня выкидывало из себя в жуткий стресс. Я не хотел быть палачом людских надежд и чаяний, пусть кто-нибудь другой попробует. Да к тому же в пыльной колокольне мой камзол мог испачкаться, нет тут нужно усилить никчемный аргумент и с выражением произнести: «Мог испачкаться!» И все эти бедствия посыпались на ВВ, на меня, а также на многочисленных других подданных, только из-за важных дел, дел важнее государственных, которые помешали мне предупредить королеву о заговоре: в то время, как ВВ пробовала на вкус клубничные пузырьки, окруженные шампанским, я... спал. Конечно, не просто так сухо: спал. Я спал мертвецки пьяный, или даже так: пьяный в никуда, как мой папа в молодости. Вот гены и взяли своё. А гены мы не выбираем, мы с ними живём и с ними умираем. А уж передал ты их или нет потомству – только от тебя зависит.

Боцман

Если четыре ночи тому назад ты дежурил, три ночи назад – запускал змеев с пацанами, две ночи назад – спал рядом со злой на тебя женой, но считай один, а прошлую – тоже дежурил, то в преддверии нынешней ночи возникают разные мысли. Но это у других людей может и разные, а у меня сплошь любовные или о любви – кому как больше нравится. Слава Всевышнему и у Эльзы мысленный процесс пошёл в этом же русле и... мы занялись-таки любовью, забыв о суетных разногласиях и недовольстве сопредельной стороной. Я заметил, что когда мы кувыркаемся в доставшейся по наследству от Эльзиных родителей необъятной кровати, кстати, единственной путевой мебели в нашем доме, ползунки часто дерутся под потолком на своих шпагах или рапирах. Эта ночь тоже не была исключением из правила – мы выдавливали скрипы из кровати вниз, а ползунки звенели шпагами вверх и шуршали своей мягонькой кожицей о потолок. Вот такой сводный ансамбль скрипения и гремяния получился. Всем привет, кто не слышал!

Ползунки

Мы с Инной задорно играли в тупаки. Игра эта увлекательная: надо закидывать тупаки в тупакилку, причем очки набранные зависят как от положения твоих тупаков на сучках тупакилки (есть сучки, приносящие удвоенные или утроенные очки, и есть менее очковые сучки – которые добавляют пол или четверть очка), так и от их положения относительно тупаков противника, находящихся по цветовой гамме выше. То есть важно распределение тупаков на сучках и цвет фишек. Играли мы на нашей любимой подставке под тупакилку, она у нас очень удобная: когда складывается – маленькая, а когда раскладывается – в два раза больше и высоту каждой из половинок, можно регулировать, перекладывая подвижные листы, они такие тонкие, что можно добиться точно горизонтального положения тупакилки, а это очень важно для серьезной игры. Так вот, играли мы себе спокойненько в тупаки, причём Инна выигрывала у меня уже 59 очков и ещё полочка – а это серьёзное преимущество, как вдруг до нас снизу стали долетать звуки борьбы. Ну, мы, как и положено всяким порядочным осам (особенно Верескового роя), любопытствовали: кто чем там кого и за что. Оказалось хозяин пещеры, в которой мы устроили гнездо, борется с хозяйкой той же пещеры, а кто из них по настоящему главный мы до сих пор не решили. Они энтим

делом занимаются довольно часто, но не каждое тёмное время, видимо, есть запрещённые числа для сего ритуального занятия, как есть и запрещённые сучки в тупакилке.

– Дуэль? – спросила у меня Инна.

– Дуэль! – поддержал её порыв я.

Мы вылезли из своих спальников, надели дуэльные плащи (она – белый, я – чёрный), взяли в левые руки колесики с ручками, в правые – жала, и стали кататься под сводами пещеры, нанося друг другу уколы. Не по-настоящему, а лишь обозначая выпады. Но это только всяким неразумным осамтрутням кажется, что это баловство одно, на самом деле даже несчитовые уколы довольно болезненны, и супружеские дуэли хоть и не заканчиваются ранениями, но все равно не идут ни в какое сравнения по жесткости, например с игрой в тупаки – тут всё гораздо серьёзнее. Очень важно в фехтовании умение быстро менять направление ударов крылышками, чтобы мгновенно менять угол атаки, её направление и быстроту. Наши жала скрещивались отбивали уколы друг дружки и переплетались в затейливые фигуры. А снизу доносились смешные звуки: "Ох" "Ах" "Ещё" и иногда самый прикольный: "Бум" – он раздавался, когда лопотуны падали на дно пещеры с ритуального возвышения для борьбы. Видимо, это означало чей-то выигрыш и чей-то проигрыш...

Магистр

Неблагодарные! Что им ещё нужно? У них же есть главное – стабильность. То есть я. Магистр предсказуем, ибо вечен. А значим им не нужно волноваться – кто будет решать за них завтра, послезавтра, через десять лет, через столетие. Всё стабильно, всё спокойно. И что я попросил взамен спокойствия? Чуток поступиться свободой. Да они её и не пользовались! И зачем вообще этим неразумным людишкам свобода? Когда даже соседи не могут договориться, где ставить забор или жилыцы одного дома – в какой цвет красить забор. Куда заведут государство множественные мнения? Есть только два мнения: моё и неправильное. Это очень легко принять и тогда легко жить и подчиняться приказам. Не нужно думать и рефлексировать. Мудрый магистр уже обо всём подумал и всё решил. И в магистрате и в его столице Риме – всё спокойно.

Но эти неблагодарные иногда рвутся бунтовать. Бунты бессмысленны, у нас армия заточена на подавления беспорядков, да ещё и полиция занимается тем же. Это хорошо, две конкурирующие структуры стремятся выслужиться передо мной. Любой мятеж подавляется на корню. Любой инакомыслящий отправляется в тюрьму. Официальные бюллетени все могут прочитать в единственной газете. Моей газете. Но, к слову печатному будет сказано, зачем вам воль-

ная газета? Чтобы критиковать меня? А за распространение слухов каждый не шибко добропорядочный подданный может загреметь на общественные работы. Лопата, заступ или метла быстро выбивают дурь из головы. Кто там бунтовал последний раз? Студенты. От них одни неприятности. Много гормонов в крови, мало мозга в голове. С жиру бесятся. Чем меньше люди знают, чем спокойнее они принимают данный им мной порядок. Единственно правильный. И навсегда. Стабильность была, есть и будет. Потому что я вечен.

Смотрю в зеркало... что-то не так... старею, что ли? Мысль о том, что тебя может убить любой охранник – страшна. Но не менее страшна мысль, что эликсир бессмертия начали бодяжить или ингредиенты стали менее чудодейственными... это значит – старость и смерть, а смерть в моём возрасте неизбежно страшна... я это после двухсот прожитых лет кожей, хрящами и костями осознал, а уж после трёхсотлетия... лучше и не говорить...

Боцман

После такой ночки хочется одного: горячей ванны, кофе с коньяком (или чая с лимоном) и звуков флейты для акустического фона. Да, получилось несколько больше чем один компонент, но на практике я имел совсем другое число – ни одного, однако это обстоятельство совсем меня не расстраивало. Я снова обвел взглядом нашу улицу и стал готовить себя к спуску в подвал. Дело в том, что я неделю назад обещал Эльзе слазить за огурцами, но всё как-то не удосуживался и не удосуживался. Сегодня наступил крайний или последний срок. Набат прозвенел, гром грянул, рак свистнул. Но... неохота! Ещё раз обвожу глазами нашу тихую улочку. Ага, ситуация в корне изменилась – вот оно спасение: на улице показались мальчишки. Увидев меня, они замахали руками и засвистели, я важно так подбоченился и небрежно козырнул им, как и подобает большому и толстому боцману. Ну и что, если я не большой и не толстый? Зато Боцман! Сначала мы церемонно обменялись приветствиями, потом обмыли все косточки погоде, то бишь обсудили: скорость ветра, атмосферный напруг – некоторые его давлением кличут, влажность воздуха (некоторые о ней забывают, а потом от болезней мучаются – комнаты надо проветривать, а воздух – увлажнять, вот вам базис для здорового образа жизни, а ещё гулять надо по крышам, но это отдельная история)... И

наконец мы перешли к делу, точнее каждый перешёл к делу своему.

– Боцман, расскажи страшилку! – ударили в меня с боков два тарана-просьбы.

– Страшилки не рассказывают при свете дня, – начал я обходной маневр. – Вот если бы мы спустились в подвал...

Вопрос с подвалом быстро решили положительно без дебатов и прений. И вот мы уже гуськом медленно погружаемся в недра нашего подвала, а путь нам освещает единственный огарок свечи – это важная деталь. Тени на стенах смыкали над нашими головами то, что обычно смыкают тени над спускающимися в подземелья путниками с одним жалким огоньком, нетвердо державшимся на свечке. Наверное, они смыкали сами себя. Очень интересное наблюдение, возможно, мне есть чем обрадовать нашу Академию наук.

– А у тебя здесь баламутит нечисть? – спросил Шкет, чтобы помочь мне в организации мрачной атмосферы для рассказа.

– Немножко, – вальяжно ответил я.

– Да ладно заливать! – попытался вывести меня на чистую воду Джекоб-младший.

На такую провокацию я ничего не ответил, лишь посветил в угол, где у меня пылился скелет, мальчишки затихли.

– Он то-же не ве-е-ерил, – сообщил я замогильным шепотом, ме-е-е-дленно растягивая слова. – Так вам нужна страшная история? И вы думаете, что мне удастся напугать

таких смелых молодых людей, как вы? Сильно сомневаюсь, скорее уж, вы меня напугаете. Ну да ладно, попробую вспомнить что-нибудь смешное и забавное. Значит так, жила три года назад в нашем городе одна семья... – Огарок я поставил на бочку с оливковым маслом и стал рассматривать банки, найдя «огуречную», я присел на деревянный якорь (не спрашивайте, зачем он нужен в подвале, возможно, чтобы показывать уровень наводнения, но это предположение требует обоснования хотя бы в виде бочонка рома) и целиком отдался своему повествованию: – У родителей было три дочери и вот старшей из них отец по совету матери купил картину. Намалевана, как положено: серые краски, серый фон, серые фигуры, хоть во дворец вешай. На ней был изображен лес, обступающий со всех сторон полянку и пасущийся на этой полянке конь. Короче, картина как картина, но было на ней одно цветное пятно. Причем старшая сестра, когда рассматривала картину, увидела пятно зелёным, средней оно показалось красным, а младшая долго пялила зенки в пятно жёлтое. Повесили картину в комнату старшей дочери. И вот заснула она ночью и приснился ей сон: конь с картины стал говорить человеческим голосом: "Встань с постели и подойди ко мне!" старшая сестра так и сделала, а конь продолжает заманивать: "Потри пятно мизинцем и загадай желание – оно тотчас сбудется или я не волшебный конь!" старшая сестра потеряла зелёное пятно и загадала...

Тут я сделал паузу и посмотрел каждому пацану в глаза.

Иногда мой взгляд бывает настолько тяжелым, что собеседнику кажется: ему на плечи кто-то положил руки, большие, тяжелые, холодные руки...

– На утро родители нашли свою старшую дочь повешенной на собственных чулках, а на листке бумаги, что лежал на столе, было написано её почерком: "Хочу к принцу, не удерживайте меня", родители ничего не поняли, лишь заплакали и похоронили свою дочь, лицо которой после смерти позеленело, – я стал растягивать гласные на слове "по-зе-ле-не-ло" и ещё добавил жути в свой голос. – После похорон картину с конём перенесли в комнату средней сестры. И вот девочка заснула... никто из вас скелет не трогал? – резко меняю тему, озабоченно всматриваюсь в темноту (скелета с этого места не видно), от бегающего пламени свечи скелетообразующие кости словно начинают немного шевелиться... Мальчишки долго лупоглазили то на меня, то на скелет неизвестной жертвы медиков – страшилка начала работать.

– Что такое? – спросил Скилли, когда я уж слишком пристально посмотрел на скелет.

– Да вроде у него рука пошевелилась, если это сквозняк, то я тут с вами ревматизм подхватчу. Итак, средняя сестра заснула, и приснилось ей, что конь с картины заговорил человеческим голосом. "Встань с постели и подойди ко мне!", средняя сестра так и сделала, а конь стал дальше приказывать: "Потри пятно мизинцем и загадай желание – оно тотчас сбудется или я не волшебный конь!" (наклоняюсь, смот-

рю искоса, поднимая правую бровь) – "Я тебе не верю!" – сказал средняя сестра. – "Твоя старшая сестра уже загадала желание и сейчас живет во дворце с прекрасным принцем богато и счастливо". – "Правда?" – "Чистая правда, или я не волшебный конь!" – "А исполнится любое желание?" – "Любое-прилюбое". Средняя сестра потёрла красное пятно и загадала желание. На следующее утро её нашли горбатой, немой и все лицо её было в толстой, противной корке...

– Красной? – уточнил Скилли.

– Конечно, красной! – заверещал я, запуская крещендо. – Родители долго плакали и жалели свою дочь, они неоднократно приглашали самых лучших врачей из разных королевств, но никто бедняжку так и не смог вылечить. Картину после этого перенесли в комнату младшей сестры, ведь средняя ныкалась по больницам, гм... что там дальше? Ага! И вот наступила ночь, и девочка заснула... а ей приснилось, что конь с картины с ней разговаривает: "Встань с постели и подойди ко мне!" – "Потри пятно мизинцем и загадай желание – оно тотчас сбудется или я не волшебный конь!" – так он её окучивал своими лживыми речами. – "Я тебе не верю!" – сказала младшая сестра. – "Твоя старшая сестра уже загадала желание и сейчас живет во дворце с прекрасным принцем богато и счастливо". – "А что стало с моей средней сестрой, она же теперь уродина?!" – "Она загадала быть самой красивой и теперь живет в большом и славном городе и действительно там самая красивая девушка из всех, в неё

даже влюбился сын короля. Просто вместо неё к вам была перенесена уродина из того мира для соблюдения принципа равновесия". – "А ты меня не обманываешь?" – "Я волшебный конь и никого никогда не обманываю!" – заявил коняка и фыркнул. Младшая сестра подошла к картине и потеряла жёлтое пятно... – Я сделал вид, что очень устал рассказывать, и облизнул губы.

– А дальше? Что было дальше? – не выдержал Ут.

– На следующее утро младшая сестра прыгала как заводная и кричала: "Мы богаты, мы богаты!" – она зачерпывала из своего передничка золотые монеты и подкидывала их вверх (пацаны вздохнули с облегчением... рановато). Обалдевшие родители стояли под настоящим золотым дождём. Те, конечно, очень удивились такому неожиданному богатству, но ничего не сказали. А когда они вернулись с работы... нашли труп младшей дочурки – она на один золотой купила целую корзину пирожных и подавилась одним из них. Вот и вся история.

– А какого цвета было пятно на самом деле? – спросил Шкет.

– А на самом деле пятно было... – я столкнул свечку на пол, предварительно подмигнув Шкету, и стало темно.

Шкет затряс скелет, а я стал "могильничать", то есть не своим голосом завопил:

– Пятно было чёрным или я не волшебный конь!

Когда топот маленьких ног затих, я щелкнул зажигалкой

и, найдя на полу свечной огарок, подпитал его оптимизмом пламени. Стало видно место, где brave мальчишки бесславно дезертировали, остался лишь Шкет, который с доблестью выполнил свою часть работы.

– Ну и какую банку тащить на кухню? – понимающе спросил он.

– Вот эту, с огурцами, – поразился я его прозорливости. Мы поднялись наверх и этим спасли ватагу от ужаса, мальчишки думали, что мы уже на том свете.

– Тебя только за смертью посылать! – по-доброму заворчала Эльза, когда я в сопровождении свиты вошёл в кухню, а банка огурцов (неразбитая!) с помощью рук Шкета водружилась на кухонный стол.

– Миссия выполнена! – отрапортовал я. – Надо бы мои верные войска накормить, а то они без булок с джемом отсюда не уйдут.

– Пусть твои верные войска сначала руки вымоют, – моя супружница всегда готова к урокам хороших манер и блюде-нию санитарно-эпидемиологических норм.

Войска знали, что хоть их император – это, безусловно, я, но на кухне, а также в любой другой комнате дома главная – императрица, и безропотно поплелись к рукомойнику, между собой переругиваясь за первенство намылись руки, обсуждая при этом последние события в подвале.

– А нам сегодня в школе долдонили про Рим, – поделился новостями Скилли.

– Про что? – переспросил я у мальчишки.

– Ну что наш город это Рим и его историю там древнюю и современную.

– Наш город называется Лас-Ка.

А вот Художник называет наш город пунктирным, так ему он видится. Действительно, в нашем городе часто можно на столбах увидеть новые эдикты магистра, где полно ПУНК-Тов, да и ИР в Лас-Ке полно, часто попадаются прехорошенькие...

– Лас-Ка – это Рим по-древнему?

– Это по-настоящему. Римом его обозвал Маркел, когда королева заснула. Зачем ему это было надо, я точно не знаю, но, скорее всего, для того, чтобы мы забыли о спящей королеве, настоящей властительницы Зелёных холмов. А ещё раньше здесь было поселение первородных, оно обозначалось символом, – я начертил его на столе, – значение которого никто из людей сейчас не знает, да и вряд ли раньше знал, тем более никто не может произнести его вслух, чтобы оживить те времена. Вот это настоящая история, а та, что дается в школе...

– Знаем, знаем, офис-с-сиальная! – мальчишки действительно знали, хотя и не все буквы выговаривали уверенно.

– А почему наше королевство называется королевством Зелёных холмов? – спросил Шкет, не для себя спросил – для мальцов.

– Потому что у нас полно красивых зелёных холмов и да-

же после того, как магистр закрыл всю информацию о красках в библиотеке и дома, заборы, одежда, обувь, мебель игрушки и картины стали серыми, холмы по-прежнему зелены. Вообще-то и в других королевствах тоже имеются зелёные холмы, но наши самые зелёные.

– Почему?

– Потому что наши, потому что надо родину любить.

– То есть, быть патриотами?

– Нет, просто любить родину. Мужики! – мальцы всегда тают от такого к ним обращения, тем более, что мужиками я их называю нечасто, чтобы эффект не завуалировать, ко мне в голову иногда протискиваются длинные и сложные слова-реликты, значения некоторых я не знаю, а у других не могу представить обозначаемые ими понятия, но к сему привык и не рыпаюсь – заползают и пусть себе! Но пора продолжать рассказ:

– Наши холмы на самом деле ничуть не лучше любых других холмов. Надо же понимать! Любить родину и в то же время любить всю нашу планету и не быть ограниченными патриотами, которые любят лишь свой уголок, потому что он свой. Вот вы сейчас компот в брюхо заливаете, а ведь вода по всему миру одинаковая и что же наш компот лучше, чем такой же компот, который сейчас на другой стороне нашего мира пьют такие же, как мы запускатели змеев? А лучше он – потому что наш? Нет, он для нас, конечно, самый лучший, а на самом деле...

– Ты что-то хочешь сказать про компот, который я лично закатывала? – вмешалась управительница моей судьбы в проводимый мной урок.

– Я... то есть мы... они...

– Нас в школе по-другому учили, – помог мне Скилли.

– Не всему тому, что говорят в школе нужно верить... – начала Эльза.

– Потому что это офис-с-сиальщина! – продолжили мужики, в это раз они были подбодрены, чувствовали ответственность и все согласные выговорили верно.

Нет, они положительно кое-чему научились у такого не педагога как я. Школа, школа, помню, учился уже здесь, в Лас-Ке. Я – из «понаехавших», не коренной столичный житель, ходил в интернат для таких же беженцев и нам там давали как раз официальную версию истории. А я то был из провинции, где многие даже не знали, как зовут магистра, да и вообще не ведали, что у нас теперь магистрат, а думали, что живут в королевстве Зелёных холмов со столицей Лас-Ка и со спящей королевой. Рано или поздно она проснётся, а магистр – это временная фикция... Мне хватило мозгов молчать и не рассказывать о подобном видение событий... так вот, по дороге из школы в палаточный городок, где жили беженцы, можно было увидеть надпись... буквы кто-то довольно криво намалевал высоко на сером бетонном столбе, из которого торчали непонятные железяки, видимо что-то строили и не достроили, или наоборот – ломали и не до-

ломали. Надпись вывели добротной, жирной, стойкой белой краской: "Завтра ты вернёшься" и это был приговор, от которого я избавился. Однажды я не вернулся. Так я не закончил даже среднюю школу. Не жалею, все равно аэродинамику знаю лучше выпускников академии.

Когда сидишь на карнизе, болтаешь ногами в пустоте, при этом лопаешь мороженое и смотришь в небо, – вот в такие глобальные моменты простого человеческого счастья мелкие мысли выпадают из твоей головы. Они падают вниз и рассыпаются по мостовой. Можно на них плюнуть, но зачем? да и слюна после мороженого вязкая, такой не попадёшь в цель от слова «совсем».

А вот другие мысли, наоборот, залетают в голову. Они легки и проносятся почти незаметно для тебя, легкое движение, поворот головы, кивок или даже моргание может спугнуть их.

Только тишина и покой может удержать этих ветроногих беглянок, да ещё мороженое может помочь их заманить – они сладёны. Поймать их невозможно, в силах человеческих лишь обрисовать их, окружить ванилью, чтобы потом уже в тяжёлом мире сделать копию легкогривых тонконогих мыслей – уже собственных или поналетевших из какого-то высшего, горного мира? – сие мне до конца не понятно... И тогда летучие балерины затвердеют и превратятся в стойких оловянных солдатиков. Ах, в такой бы армии и сам служил!

Если что – я невоеннообязанный.

Вот и сейчас пару новых слепков ушло в музей, и я, до-
смаковав холодную сладость, уже было хотел отправиться в
путешествие по его новому отделу, чтобы во всех деталях
запомнить моих новых гостей, но... Бамс – в глаза хлынула
резкость. Колокольня пробила тонкий мыльный радужный
пузырь. Её игла была устремлена в высь, но она была слиш-
ком тяжела, чтобы взлететь. Скорее это дерево с обрублен-
ными ветвями, которое растет вниз. На самом верху прита-
ился вековой колокол. Ударить в него и проверить слухи.

Я улыбнулся – многие мечтают об этом. Ведь тут можно
получить славу, можно стать героем, можно войти в исто-
рию, именно войти, а не вляпаться. А я никогда об этом не
мечтал. Нет, стоял бы я сейчас на той площадке... конечно
бы ударил, слов нет. Но только я не ползунок – летать не мо-
гу.

То ли слеза от ветра в глазе вызрела, то ли мягкая пеле-
на на разум накинута (а мы же видим мозгом, а не очами
– он нас и морочит больше, чем любой глазной недуг): ко-
локольня превратилась в виселицу, а поскольку кроме меня
этот столб с веревкой никто больше не видел, то и виселица
была моя, точнее за-шею-моя.

Мороженое стало колом в горле. Я поперхнулся и стал
спускаться с крыши – настроение стало слишком земным,
чтобы заниматься высокими глупостями.

– Ты изменил мне? – ласково шепнула мне на ухо Эльзуса.

– С чего ты взяла? – насторожился я.

– У тебя взгляд висельника...

Ну не ведьма ли она? Насквозь меня видит! Я поцеловал её, и всё со мной стало ясно.

На следующий день погода стояла хмурая, как кот, которому сметана не досталось. Жена покрасила туфли в радикально жёлтый цвет с закосом под плащик, причём их изгиб от носка к каблуку снизу покрасила, а не верх... и дала высохнуть обуви – туфельки во время сушки устремили тонкие каблочки в потолок... потолок что ли покрасить? Да, ладно – ремонт можно начать, но его нельзя закончить. А я не любил бесконечные хлопоты...

– Эльза, а видно же не будет... – посмотрел я вопросительно на мастерицу.

– А вот так? – она ловко обулась, сделала финт попойкой и подняла ножку...

– Я тебя в таком развратном виде во дворец не отпущу, я твой муж, хозяин дома и вообще!

Но супружница уже ускакала на дежурство, вот и верь после этого людям!

Магистр

Жмётся проректор, глаза у него на мокром месте, пятнами пошёл, а потом побелел... иш! Хотел о жене своей распутной просить. А я ему с ходу бац – папочку преподнёс, а в ней всё чёрным по белому, что супруга наговорила в Ордене меченосцев. Читает, подлец, холодеет изнутри... сейчас дойдёт до кондиции. И точно – дошёл:

– Магистр, я не знал... я честное слово не знал... если бы я знал...

А дальше всё по канону, который я много раз слышал уже. Клятвы верности и отречение от жены. Как-то он быстро от неё отмежевался, не любил что ли? Зачем тогда женился? По расчёту, да Марина была знатного рода, благодаря этому, а также своей чрезмерной работоспособности и показной преданности он и выбился в проректоры. Он у меня на хозяйстве, и пока ржавчина коррупции его не коснулась. Идеальный. А жену проглядел...

– Не будем об этом, покажи-ка мне лучше проект нового шоссе...

Дороги – это артерии жизни. По ним и товары можно возить и несогласных с режимом вывозить на дальние рудники. Удобно.

Убийца

Проверяю расстояние, направление и силу ветра... прикидываю прицел... натягиваю тетиву... выдыхаю воздух из лёгких и ласково её отпускаю... раздаётся никому неслышимый треньк и стрела с белым оперением уносится к жертве... Попадание. А пути отхода мне уже известны... у калеки на противоположной крыше нет никаких шансов...

Боцман

Много раз видел колокольню с крыш. С разных крыш. С высоких и низких, с покатых и крутых. С разного расстояния. Вот она близко, вот далеко, а вот – едва различима, даже непонятно: как такую козявку глаз различил? Сейчас дистанция была средней, а перепад высот между крышей и колокольней небольшим – дом стоял на холме. Многие хотели залезть и ударить. Боцман тоже хотел. Но не залезть. Вот если бы оказался там, наверху, тогда бы да, грохнул бронзой. А так... ведь убьют, ежели попытаешься влезть. А разбудишь ли Королеву – ещё не известно. В мечтах-то она, естественно, просыпается, а вот как будет на практике? Нет, бунтовать ради призраков надежд слишком не боцманское дело. Боцман прищурился, колокольню стало видно чуть лучше. Вот так часто бывает, чтобы увидеть что-то лучше, надо объект наблюдения закрыть, теми же ресницами – тогда за лесом проступают отдельные деревья. Термос бы сейчас с кофейком, да не абы с каким, а приготовленным руками Эльзы. Правда, сваренный в турке кофий в термос не больно то и нальешь, но охранникам со стажем и суррогатный пойдет быстрого приготовления. И крепость будет именно та, что язык предвосхищал ощутить и сахару будет в меру. Боцман так уверился в существования термоса, что правая рука стала искать его ремешок на поясе. Но ремешка не было,

ведь и термоса не было. Здесь. Тогда Боцман просто свистнул, что не было демаскировкой – мало ли кто может свистеть на крыше, и отправил через безупречных посредников звёзд (они безупречны, потому что равнодушны) воздушно-космический поцелуй своей супруге. Чмок с вертикальным взлётом унесся в бесконечность, чтобы там повернуть и пронзить ещё одну бесконечность и прижаться к губам любимой женщины своего отправителя. Пора было запускать змея. Сегодня в одиночестве – таково было первоначальное настроение. Но что-то мешало. Сегодня змей остался не проположенным небом. Лень, видимо. Как на колокольню лезть не хочешь, так и змея валынишь – кольнула совесть. Ей вечно надо больше всех и не так как всем – извращенная жадюга. А-а-а... и махнув на жадюгу рукой (или на лень?) он стал травить нить и ловить ветер. Змей ринулся к звёздам. Конечно, не долетел, но парил. Он даже был выше колокольни. А что если подняться на змее? Ведь трудность только в том, чтобы забраться. А уж ударить сил хватит. А тебе это надо? Лень она тоже зубастая, тоже ненасытная и знает куда кусать. Вернувшись домой, Боцман увидел в глазах Эльзы отражения себя. Совсем не герой. Губы стали обниматься, языки соприкоснулись и в одной квартире города Лас-Ка начались ласки. А под потолком зашуршали ползунки.

И пропало гнетущее ощущение, что чьи-то всевидящие глаза следили. Следили за тобой, как в театре с галерки из бинокля следит какой-нибудь небогатый, но увлеченный по-

клонник. А софиты слепят глаза и ты его (её) не видишь, а она (он) тебя – отлично. Только от этого взгляда не укрыться даже в гримёрке. В детстве Боцман пробовал не думать, чтобы никто не мог прочесть его мысли. Позже он тоже такое практиковал, когда особенно красноречиво про заговор ползунков вещал Вилариба и Боцман поддавался на эти бредни, мол, ползунки управляют нашим миром и за всеми сверху следят. Не думать совсем трудно, а главное непонятно, что это даёт... пора вытрясти эту околесицу из головы... Лишь объятия любимой помогают избавиться от ощущения всепроникающего наблюдения за тобой невидимого наблюдателя, а ещё бухло в больших количествах и без закуски. Или полная озознанность – когда ты настороже и сам наблюдаешь за всем миром. Зарываюсь в родные кудряшки...

– От тебя пахнет крышами, – сказала хранительница очага и всех местных ползунков спустя наслаждение-другое.

– Плохо?

– Свежестью... и чужаком.

– Я свой!

– Докажи...

И снова зашуршали ползунки.

Магистр

Беру со стола колокольчик, он выдаёт крайне мелодичный звон. А ещё этот звук пугает секретаря. Он ведь знает, что любой звонок может стать последним для кого-то... и для него тоже. Серый преданный мышонок светит в меня взором обожания и верности. Так и надо.

– Мэра ко мне...

Мышонок исчезает и через минимальный отрезок времени является запыхавшийся мэр. Зажрался... как ни меняю столичных градоначальников, а всё одна история: беру из провинции молодого и бойкого, глядь через пару лет – уже сановный и лоснящийся, а через пятилетку и вовсе борзый боров. А из зажравшихся свиней особенно хорош холодец. Варварское блюдо, но вкусное. Я его позволяю себе на новый год.

– С рынка Ломжи получаешь мзду?

Хитрые глазки опустились долу.

– Не больше, чем все.

– Сжечь...

– Как сжечь? Кого сжечь? – засуетился уже не такой и важный начальник.

– Дотла! – прошипел я своим фирменным шипом и так на него посмотрел, что сальный шарик выкатился из моего кабинета быстрее футбольного мяча после удара пенальти.

Вот сколько борюсь с коррупцией и не могу её победить. Сам взятки не беру. Другим не разрешаю, а они знают, что нельзя и всё равно берут. И куда им золото, на тот свет что ли? И главное, чиновник или стражник берёт на своём околотке, отдаёт наверх и так до меня по вертикали власти бегут потоки нигде не декларируемого золота. Спускаю сверху проверяющих, начинают брать уже они... и где найти проверяющего для проверяющего? Власть – трудна и не так кайфова, как кажется простолюдинам снизу пирамиды. Тяжело быть королем, а ещё тяжелее – магистром, занявшим трон королевы. Помнят они... королеву. Любят фантом. Пра-пра-правнуки тех, кто видел её, рассказывают небылицы. О том, как при ней было хорошо. Не было! За годы моего правления экономика выросла в несколько раз! Ни в одном соседнем государстве подобных темпов роста не наблюдается. Жить стало лучше, жить стало веселее! А они всё талдычат байку, про то, что вот королева проснётся – тогда заживем! По легенде, нужно ударить в колокол и тогда чары рухнут. Я точно знаю, что это не так... но всё равно по ставшей привычкой схеме подхожу к телескопу и смотрю на башню: колокол – есть, а под ним – никого...

Боцман

За завтраком Эльза выдала новость дня:

– Базар на Ломже сожгли...

Я чуть не поперхнулся яичницей, благо моя малюточка так жახнула меня ладошкой по спине, что бело-жёлтая субстанция вылетела оттуда, где ей быть не положено, но далеко не улетела – я захлопнул рот и скатерть не пострадала...

– Ка-ак сож-ли? – интересуюсь, одновременно прожевывая горячую вкуснятину.

– Дотла... серые не дали торговцам даже забрать свой товар... так и сгорело всё! Теперь только на Боа и ездить... но это в три раза дальше...

– Ма-ист лю-ту... – я посмотрел вокруг... вроде никого постороннего нет, а чего я тогда так боюсь?

– И не говори... – прошептала мне на ушко благоверная.

А вот после обеда я столкнулся с бунтом малолеток.

– А почему без нас?! – начали бузить пузыри.

Шкет молчал, лишь в глазах читался тот же вопрос, но чуть переформулированный: "ну ладно, без пузырей, но почему без меня?"

– Есть такие змеи, которых надо выпускать в небо одному. Не знаешь: получится или нет. А вдруг я опозорюсь, да перед всей честной компанией. Я же не смогу показаться на глаза ни вам, ни даже своей любимой (Эльза как раз проходила

мимо и её обязательно надо вставить во фразу, а точнее во фразе обнять). Правда, клешня до её стана не дотянулась и с "обнять-поцеловать" пришлось временно погодить.

– А какого змея ты запускал?

– Акулий плавник с обратной стреловидностью.

– Да таких не бывает!

– Не было, а теперь будут.

– Покажи!

– В музее Серой стражи.

– У-у-у! – когда эмоций больше, чем мыслей, изо рта вырываются только простые звуки.

Много ходило слухов о том, куда деваются захваченные стражей змеи. Одни говорили, что их сжигают на кострах, другие – что только рвут на полоски для розжига. Но самая волнующая юные умы версия была про музей. Якобы в одной из камер тюрьмы есть музей добытых стражей змеев. Попасть туда была одна из глобальных идей мальчишек от пяти лет до... сколько мне сейчас? Ведь и я бы полез. Только я в музей не верю. Но полез бы ради мальчишек. Чтобы выяснить, что к чему и легенда либо разбилась бы о правду жизни, либо стала как его... эпосом, или снова легендой, но уже живой. Иногда для мифа нужна только ложь, но иногда нужна кровь. Кровь добавляет силы и миф дольше помнят. Он даже может стать предметом веры, тогда на его мельницу может политься новая кровь и это добавит ему силы и продлит жизнь. В копилке зазвенят деньги. Только почему-то

мне представляется другая картина – не музей, а обычная свалка, где мокнут под дождем и быстро теряют форму поломанные противозаконные змеи.

– А как ты его потерял?

– Пришлось уходить по мосту влюбленных, а он узок, вот я и сбросил змея в воду, но он не послушался и нырнул на площадку, где обычно целуются сами знаете кто...

– Тили-тили... – но пузыря оборвал Шкет.

– Там его серые и заграбастали.

– Крысы пархатые!

– Тише, тише, они же официально охраняют спокойствие наших снов.

– Офис-сиально... – сплюнули мальчишки, а я, в который уже раз отметил, что есть, есть на кого оставить местный бардак.

С мальчишками мы вышли на площадь Свободы (ныне площадь Согласия), в центре был установлен одноимённый памятник, на постаменте вечно куда-то кого-то звала полуголая женщина по имени Свобода, которая по велению магистра стала Согласием – только табличку и поменяли, а саму фигуру не тронули... а рядом с постаментом сегодня стоял в одиночном пикете Изя. Он всегда боролся, боролся по любому поводу – то за права животных, то за экологию, то за гражданские свободы. Вот сейчас стоял с листком бумаги, на котором было написано «Соблюдайте Конституцию». А около него глумились пионеры, скоро так дело может прийти

до помидорометания...

– Идите на ..., пионеры! – задал я им вектор движения, а поскольку возглавлял целую стаю мальчишек, то от моих слов было не отмахнуться.

– Боцман, по тебе околоток плачет! – процедил один из магистровских пионеров с красным галстуком на шее, такой своего отца заложит ради нового значка на груди. Я лишь сплюнул в ответ. Пионеры сдриснули.

– Изя, сейчас же серая стража тебя заберёт, – констатировал я, после того, как мы поздоровались.

– Одиночные пикеты разрешены! – горящие глаза, горящее сердце, чистые руки... вот он – типичный революционер. Только у нас нет революционной ситуации. Всё в магистрате наглухо законопачено... наверное, котёл рванет, но не сейчас...

– Ну, смотри...

Я пошёл в ближайший бар и заказал себе пиво, а мальчишкам – мороженое. Устроились мы за уличными столиками под зонтиками. Как я и предполагал, скоро приехали серые и забрали сопротивляющегося Изю... мы не по Конституции живём, а по прямым и конкретным приказам магистра. Уж скорей бы королева проснулась, что ли...

Утро. Дом. На руках ношу Эльзу. В календаре не значится официального праздника или другого какого повода для такого эксцентричного способа передвижения супруги по комнатам – просто у меня в душе клокочет соответствующее на-

строение. Если вы просто так, а не ради чего-то, никогда не носите свою любовь на руках, я вам не смогу ничего объяснить, а если носите – зачем разжевывать очевидное? Я кружил мою радость, орал неофициальный гимн королевства Зелёных холмов "Проснись королева!" и умудрялся при этом иногда даже притоптывать.

– Какая-то ты тяжёлая сегодня, – совсем не по-комплиментски заявил я.

– Наглоталась ночью звёздной пыли, – не задумываясь, ответила моя полногрудая кудряшечка.

– Мда, – только и смог сказать я до поцелуя, а после него говорить и вовсе разучился.

Хорошо, что не разучился кое-что другое делать. В тот раз она об этом не сказала, а вот на следующий день...

На следующий день в дом проникло ужасное слово "тёща" и никакими антикошмарными средствами его вытравить не удавалось. К нему стали прирастать другие жуткие слова: "поехать", "скоро" и особенно убийственное: "завтра". Не хотел я ехать в Анихею, но пришлось, там жила ненаглядная тёща моя, а точнее будет сказано: мать Эльзина. Аргументы типа: опять? зачем? а может быть не надо? были отвергнуты одним махом (ну, если быть точным – одним ночным махом). И мы стали собираться в путь-дорогу. Собирались долго, так как необходимо было уместить много вещей в минимум поклажи. У моей благоверной это дело получалось гораздо лучше, чем у "меня-однорукого", я стал ве-

сти разговоры-уводки-от-ответственности, мол, что-то локтевой сустав ломит и ноет, пойду натру змеиной мазью (для лекарственных мазей лучшая змея – это кобра)... наверное, циклон идёт к нам... далее, охающий и ахающий я-квинтэссенция-лени дезертировал на крышу, чтобы последний (или крайний) раз поближе взглянуть на наше небо, ведь там где тёща – небо не наше. Главная задача сборов: не допустить того, чтобы в наш багаж пробрались ползунки, но вроде бы всё обошлось – ни один "заяц" легче воздуха не пробрался в многочисленную нашу поклажу, которая органично поместилось на двухколесном возке, в него – в свою очередь – органично впряглись (практически без моего участия) два очаровательных пони, ибо на лошадей денег не хватило. Под восторженные крики провожающих нас мальчишек мы тронулись в путешествие, рассчитывая вернуться в любимый дом на набережной где-то через месяц-другой. Эльза взяла отпуск за свой счёт (других просто не давали), срок которого сделан из резины, а меня уволили за то, что работу выполнял хорошо (правда понятие хорошо у меня и у моего начальства не совпадали) и я, таким образом, вообще стал свободной птахой. Таможню у ворот миновали без приключений, только в нашей мошне стало на одну денюгу меньше.

Пони перешли с медленного шага на очень медленный, таким недвусмысленным образом давая понять: хозяева, вы там делайте что хотите, а нам надо мальчика передохнуть и немного подкрепиться. Мы намек поняли и сделали привал;

ра", только не по-нашему а по-ненашему. И тут что-то случилось, что не дало мне нормально насладиться музыкой в темноте – меня толкнули в бок, я, нехотя, открыл один глаз и посмотрел во внешний мир. Эльза, не отрываясь от флейты, показывала взглядом на поляну. Я приподнялся и увидел такую картину: Буцефал поднялся на дыбы и махал передними ногами, как на параде головной начальник (не знаю я, как их по протоколу величают) дает отмашки пестрым штандартом, а Йорик скакал вокруг него, да не просто скакал, а с вывертами, в рваном темпе и лихими подпрыгами с маханием ногами. Так мы узнали, что приобрели не простых пони, а цирковых. А циркачи бы своих любимцев не продали бы так задешево, значит что? Значит, мы приобрели не простых пони, и не простых цирковых пони, а цирковых краденых пони. Такие дела. В дальнейшем, мы развлекали танцами "ученых карликовых лошадей" (так мы объявляли выход на арену Буцефала и Йорика) посетителей придорожных таверн и прочих заведений быстрого питания и легкой выпивки с тяжёлым характером выхода из организма. Платили нам в основном бесплатной едой или мы сами покупали еду на вырученные деньги – способы разные, результат одинаковый: хватало набить собственное брюхо и на добротный овес для наших непарнокопытных тружеников.

А в остальном дорога была как дорога: верстовые столбы через каждую версту и природа, природа, природа во всех своих проявлениях между ними. Да ещё люди и кони попада-

лись в попутную с нами сторону и навстречу, одни обгоняют без эмоций, другие просто улыбаются и смотрят на наш возок и коняшек или отпускают шутки, разной степени смешливости, – зрелище мы действительно представляли собой неординарное, ну а уж если я говорил, что еду к любимой тещё, то получал выпивку и сочувственные хлопки по плечу. Халяву получал, ясное дело, только от мужиков женатых, ведь от холостых дурней только приколы сыпались, ну уж они сами попадут в такое же положение когда-нибудь.

А ещё случай был: мимо нас проезжал добрый молодец в добром же состоянии духа, то есть уже практически ничего впереди себя не различающий, нам ещё повезло, что он нас не сверху решил обогнать, а, как и положено правилами – слева. Ну, а навстречу ему тоже добрый молодец и что характерно тоже не лыком шит, а под завязку заправился на ближайшей заправке всем, что заливали за воротничок кольчуги – и столкнулись они лоб в лоб (потому что один свесился с лошади слева, а другой – справа), и упало два тело на землю, то есть сначала был звонкий "Бац!", а потом глухие два "хлобысь" и "хлобысь", почти слившиеся в один большой «хлобысь». Короче, такого, пусть и не сыгранного дуэта я не слышал никогда – но выдали они порцию отборной какофонии, что называется от души и для души. А как выдали – так и затихли, обняв друг друга в железных латных объятиях. Кони их стали около хозяев, и дорога стала временно непроезжей. Ибо мало охотников распутывать двух пьяных

рыцарей друг от друга и оттаскивать их в придорожную канаву – а ну как они проснутся и им не понравится, что их распутывают и оттаскивают?

На очередной зелёной стоянке я протянул нескольким муравьям бревно для них, а для меня соломинку и они её (или его?) опрыскали охран-жидкостью. Дегустировали напиток губы и язык Эльзы.

– Кисленько! – сказала она и добавила: – Но вкусненько. И попросила добавки. Молча. Одними глазами.

Мы любили друг друга, и поэтому нам совсем не было кисло или горько. И нам не мешали муравьи, а мы не мешали муравьям. Столько эмоций, а всего на всего один привал на дороге. Лепота!

Только вот шквал налетел, да так, что унёс часть нашего лёгкого скарба. А потом ударил ливень. Что это был за ливень! Он лил со всех сторон, он бил упругими струями и прижимал все к земле, а потом от неё же отрывал, он мочил всё живое и неживое и снаружи и изнутри! А молнии сверкали так густо, что казались сверкающим лесом, только росшим корнями в небо. Мы с Эльзой кое-как привязали наших пони под дубом и сами дрожали рядом, обнявшись.

– А молния не ударит в дуб? – прокричала мне в ухо промокшая до нитки и испуганная до пяток жена.

– Не бойсь, всё будет хорошо! – я дерзко улыбнулся, хотя боялся так же сильно, если не больше.

И молния ударила в дуб... но не в наш... а рядом... и мо-

гучее дерево треснуло от огненного удара и часть ствола отломилась, а пламя охватило крону, но быстро потухло – никакой огонь не мог долго жить под хлесткими струями ливня.

Буря кончилась так же внезапно, как началась и уже скоро мы с Эльзой обсохли и пили горячий чай, в котором коньяка было больше, чем чая... мы и наших миниатюрных коняшек напоили, и те обалдевшими глазами смотрели на мир, видимо, не веря, что живы...

Однажды мы с Эльзой заплутали, точнее, заплутали наши пони, а уж вместе с ними в лесу потерялись мы. И достигли мы какого-то глухого места и в том урочище неприятном перед нашим взором вырос частокол с воротами, над которыми красовалась надпись: «Труд освобождает». Нас остановил дозор серых и в грубой форме потребовал, чтобы мы повернули... задницы наших пони восвояси. Мы так и сделали от греха... и снова выбрали не ту дорогу. Несчастливый это был день...

Колонна двигалась неровно, люди еле передвигали ноги... в полосатых робах худые и небритые... и конвоиры мордатые, лоснящиеся от хорошей кормёжки, с арбалетами и плётками в руках... и лающие овчарки...

– В сторону... – нас обложили хлесткими матюгами, Буцефал и Йорик как-то съжились и сошли с дороги... они дрожали, а больше наших пони дрожали мы... невозможно было отвести глаз от вереницы этих худых измождённых лиц,

этих просящих еду глаз, этих плетущихся фигур... к нам тянули тощие руки, но под арбалетами мы ничего не смогли передать заключённым... только Эльза изловчилась и сунула в руки самого ловкого в полосатой робе краюху хлеба...

А я увидел Кротова... худого, забитого... наши глаза встретились... и он что-то прошептал... «Скажи, что я жив...» или «Скажи, что я мёртв»... видимо так или не так я понял, читая по его губам, – и что я скажу его родным? Я хотел выхватить нож и проткнуть ближайшего охранника... но что бы это дало? Нас с Эльзой застрелили бы... да и заключенные не подняли бы бунт... они слишком измождены... нет шансов... во мне никогда не было столько гнева! Я понял, что магистра нужно убить. Без затей, просто убить... или ударить в колокол, чтобы королева проснулась, а потом убить магистра.

– Может, магистр не знает... – прошептала Эльза и заплакала.

– Он всё знает! – я обнял рыдающую мне в грудь жену и стал гладить её ладонью по волосам... – Но ничего, рано или поздно ответка ему придёт! За всё!

Наверное, так и становятся революционерами.

Шут

В детстве я разговаривал с ягодами.

– Привет ягодка, как переночевала? Я тоже спал хорошо и видел сны, ты, наверное, видишь красные сны, а я – больше фиолетовые, хотя, иногда приходят и красные, они самые сладкие, но порой бывают противными, когда сахара чересчур много. Но красные никогда не бывают страшными, а фиолетовые интересные, но иногда аж вздрагиваешь – настолько жутко и достоверно. Ты не боишься? Я рад. А чего бы ты хотела от жизни: быть съеденной; сгнить никому не нужной; быть растоптанной чьим-то башмаком (копытом) или иссохнуть от жары? Ты не определилась. Тебе всё равно. Это травянистая позиция: что выросло, то выросло. Траве это без разницы: где и как расти. А потом приходит садовник и всё что выше нужного уровня – вжить и нету. Но ты же ягодка, тебе нужна цель! Хочешь, я обниму тебя своими губами и волю в себя? Ты ещё недостаточно созрела для этого? Ладно, подожду.

А потом я перестал слышать ответы ягод. Я стал важным и посчитал ягоды глупыми, а себя соответственно наоборот – шибко разумным. Гордыня слопала меня. На самом деле это ягоды перестали со мной разговаривать – зачем общаться с бумажными цветами? Бумажным цветком стал я. Много позже, выпарив из своего тела не один пуд соли, я перестал

недооценивать ягоды и снова между нами завелись шептучие червячки диалогов.

Как я стал шутком? Вы не задали этого вопроса? А мне всё равно, рассказ уже впивается мне в зубы с их внутренней стороны, и я выпускаю его на волю.

Давным-давно, когда я ещё верил в случайность или случайность верила в меня, что абсолютно одно и то же, если вдуматься в эту глупость, хотя зачем вдумываться в глупость – мы все ищем залежи мудрости? Так вот, очень много лет назад я нашёл пару страниц из книги, название которой, как и её автора, невозможно было определить (в нашем королевстве так часто бывает, хорошо ещё, что у королевы сохранилась неплохая библиотека, а у других – труба, даже лупоглазики жалуются на недостаток книг). У меня уже тогда с памятью было все в порядке, и я запомнил эти листки до последнего знака препинания. Привожу текст полностью и дословно (ни единой запятой не изменил – пунктуация и орфография автора сохранены).

Два одинаково не запоминающихся существа влетели в комнату артиста.

– Здравствуй, мы хотим предложить тебе роль, – сразу перешло к делу одно из них.

– Привет, несуществующие, вы предлагаете мне роль? – артист попытался изобразить удивление, но это плохо у него получилось. – А вы видите меня сейчас?

– Да, мы получаем трехмерную картинку.

– В цвете, надеюсь?

– Разумеется.

– Ну, тогда вы должны видеть, что я выгляжу, мягко говоря, никак, – артист сказал слово "никак" с непонятной интонацией.

– Нет, мы этого не видим.

– Да что вы говорите? – артист вскочил с постели, в которой кроме него находились две девушки (судя по всему несовершеннолетние), и выбежал из спальни.

Существа неслышно вылетели за ним.

– Теперь можно поговорить по душам... – артист сделал паузу непонятно зачем. – Прилетели, понимаешь, тратите чёрт знает сколько денег на поддержание двухсторонней связи в режиме реального времени, и ни хрена не замечаете! Да, посмотрите на моё лицо, где мимика, где выразительность, где игра чувств? Это не вопрос, можете не напрягать своих электронных болванов. Точнее это был риторический вопрос... Эмоций – нет! это лицо ни на что не способно! – артист оттянул свои щеки и стал их мять, потом ударил правой ладонью себе по лбу. – Я не умею шевелить ушами, брови почти не двигаются... А голос? Послушайте: "А-а-а-а!" – он попытался запеть что-то и сфальшивил. – Слышите? Слуха нет. У меня нет слуха! У меня, раньше различавшего малейший дефект в звучании камертонов, напрочь отсутствует слух! Да лучше бы мне член отпилили тупой ножовкой! Далее... ещё раз слушайте: "А-а-а-а!" – он опять что-то изобраа-

зил. – Когда-то я мог вытянуть диапазон в три октавы, а сейчас? Скрип несмазанной двери, а не голос! Где былой диапазон?! Этот мерзкий голосишка выпиливает лобзиком по моему сердцу иероглиф под названием «Боль»! Стоит ли говорить, что я не могу танцевать? Ходить по канату я тоже не могу, простейшие движения мне не доступны, – он ударил себя по животу. – Здесь был пресс с кубиками! А сейчас я – лысый толстяк неспособный десять раз подтянуться на перекладине! Но вы не знаете, наверное, самого страшного? Сейчас я вам это скажу. Я не могу даже над собой посмеяться! Видите улыбку? – артист попытался улыбнуться, получилось у него это очень плохо. – А смех? Ха-ха-ха, – вам видно это во всех подробностях?

– Вы великий артист, – сказала одно из существ.

– Что? А, ну да. Я не буду кокетничать и отрицать то, что я великий артист. Но, вы забыли сказать в своем предложении один маленький глагол: "Был". Я был великим артистом.

– Если вы выполните то, что мы вам предложим, тогда вы попадете в другой мир.

– В мир с прыжками?

– Нет.

– А мне не нужен новый мир без прыжков, – существа не услышали обреченности в голосе (а она там была). – Мне хватает и этого...

– Мы сможем переправить вас в мир, в котором хотя и нет прыжков, зато есть возможность попасть в мир с прыж-

ками... – вступило в разговор второе существо.

– С этого и надо было начинать, а то ломали тут понимаешь дешёвую комедию... Что я должен сделать?

– Сыграть шута.

– Что?!!

– Сыграть шута.

– Вот с такими данными?!

– Да.

– Нет, несуществующие здесь, вы просто чудо как разумны, это же надо до такого додуматься... я восхищаюсь вами! – артист налил себе коллекционный коньяк и, наплевав на ритуал принятия в себя этого благородного напитка, выпил его залпом.

– Я сыграю шута, да, я сыграю шута! – повторил он, смакую слова. – Даже если мне придется умереть от рук жестокого тирана, лишённого чувства юмора, я все равно сыграю шута так, как его не могут визуализировать настоящие шуты!

– Вы будете служить не у короля, а у принца, который при удачном раскладе станет султаном на Веронии, но он действительно может лишить вас жизни за одно неверное слово.

– Но если я удачно выступлю, вы меня отправите в мир, из которого можно попасть в другой, уже с прыжками?

– Да.

– Я согласен.

– Никакого гонорара сверх оговоренных условий.

– Мне не нужны подачки.

Существа пару секунд помедлили, а потом открыли для артиста окно перехода. Он шагнул в мир, где он должен будет играть роль шута, смешающего всех вокруг под ежеминутной угрозой плахи и топора.

Магистр

Ну что за люди в наше время? Сопляки... где демиурги, где герои, где просто добросовестные работяги? О подвигах даже говорить не хочется... украсть, стырить, повернуть дельце ещё могут, но так чтобы вырвать сердце из груди и осветить тьму, чтобы вывести соплеменников из лабиринта... нет, что вы... о чём сейчас говорят обыватели? Кто и где будет отдыхать... курорт Золотые пески – предел мечтаний. Ну, ещё дом, белый дом, с зелёной лужайкой и качелями, два этажа, фикусы на окне... мещане! На юге нацисты коловороты поднимают голову. Кто будет с ними воевать? Вот эти белые воротнички, которые не могут представить, что такое битва в грязи после дождя, кровавый понос во время осады и протухшее мясо на обед (ибо кто-то наварился на поставках армии и отправил туда залежалый товар). Война неизбежна! А воевать почти некому... ладно ещё я загодя приготовил мои легионы смерти... Ещё один насущный вопрос: кто будет модернизировать промышленность, если смены по 5-6 часов люди считают чуть ли не рабством... отпуск в 40 дней, плюс «мамины и папины» дни... и как в такой тепличной обстановке поднимать экономику, как обеспечить рост валового продукта выше, чем у соседних государств? Да у нас 99 процентов людей и знать не знают, что такое ВВП... И ведь я кропотливо уже более двух сотен лет ращу правильных лю-

дей с помощью правильных учебников в школах и правильных школьных и вузовских учебных программ, а вырастает всякая сволочь! Вот так сажаешь в землю цветок, а рядом с ним из почвы лезут сорняки, их нужно выпалывать, да и цветочки иной раз надо подрезать, а то лезут во все стороны, куда не надо...

Сколько раз я смотрел в умные, преданные глаза своих помощников, терпеливо объяснял им задачу, потом спрашивал: «Поняли?» Мне кивали и заверяли, что исполнят всё и в срок... и что же? Задержки, брак, преступления и ещё хуже – ошибки... причём ошибки раз из раза повторяющиеся. Кнут и пряник применял – толку ноль. Только смерть исполнителя может избавить от его ошибок... но проблема в том, что на место устранившегося винтика в механизм нужно завернуть новый винтик. Иначе государственная машина начнёт рассыпаться... А где взять столько безупречных винтиков? Многие идут во власть, чтобы решить свои меркантильные интересы, кое-кто думает, что обогатится или станет влиятельным и можно будет раздувать щёки и оттопыривать губу перед соседями и однокашниками, и уж конечно власть даёт бонусные проценты в сексуальной привлекательности. Иногда во власть идут идеалисты, которые хотят изменить мир к лучшему. Да много какого сброда рвётся до штурвала, но итог один – редкий сородич избежит искушения коррупции, плюс начинается клановость: своим – всё, остальным – закон. А любая служба по борьбе со злоупотреблениями сама

начинает злоупотреблять и так до бесконечности...

Я закрыл глаза. У меня нет друзей, я один, совсем один. А если я уйду – всё в государственном аппарате развалится, а саму страну раздербанят на мелкие лоскутки, на окраинах уже набирают силы сепаратисты. Да карательные экспедиции пока эффективны, но насколько этих паллиативных мер хватит? Зачем кормить столицу? Известный лозунг. И неискоренимая вера в королеву. Вот она проснётся, и тогда эти бесхребетные людишки заживут... наивные глупцы. Только при мне вы живёте! А без меня будете бедствовать и выживать. Но простолюдины не способны заглянуть даже в завтрашний день, а о послезавтра они могут только мечтать... белый домик, зелёная лужайка, отдых на Золотых песках... схема отработана и всё идёт по плану.

Боцман

Уже на просторах Анихеи я отчётливо понял, что фрукты у наших южных соседей нажористее, а вот дома почти как у нас – тоже в основном серые, только украшены ярче и богаче. Но зелёные холмы – тут уж режьте меня семеро – зеленее у нас и девки краше! Эльза не даст соврать.

На пороге необъятного дома, крытого красной черепицей (а значит, она была сварганена ещё до утраты секрета прочных красок) нас ждала бабища необъятных размеров, а именно – Клара Ивановна Чегеварова собственной персоной.

– Здравствуй, доча, здравствуй, любимый зятек, а исхудал-то как! – всплеск руками, на которых нет ни складки жира, а есть лишь внушительные мышцы. – Эта шалопутная девка, наверное, тебя плохо кормит, Эльза, так нельзя! – два всплеска руками, ну а дальше понеслась старая песня о вечном...

Тёща думает, что если она к моему приезду напекла блины (со сметаной, с вареньем, с фаршем и с икрой – с настоящей чёрной и красной икрой, добытой браконьерами прямо сегодня и сегодня же скушанной, а не с той икрой, что разные шаромыжники продают в своих лабазах и дерут за неё втридорога), сделала: пирожки с мясом, с картошкой, с мясом и картошкой, с луком и яйцами, с рыбой разных сор-

тов, с грибами; приготовила: пельмени (с мясом и отдельно с капустой), артишоки, кабачки, салаты (всех их и не упомянешь, но очень вкусные), стейк с кровью, манты, тосты, бутерброды, торты (один большой и несколько малых), пудинг и ватрушки; достала: варенья, соленья, икру, вяленое мясо и сыр; порезала: свежие овощи, фрукты, зелень; извлекла: только что собранный с пасеки мед, шоколад; поставила на стол: чай (чёрный, зелёный, красный), кофе, какао, водку, наливку, коньяк, вино, пиво, портвейн, самогон чистый как слеза бездомного ребенка, джин, бальзам и что-то в глиняной бутылки (это я никогда не успеваю попробовать), то она этим всем показушным хлебосольством произведёт на меня впечатление. Шалишь! Меня таким обжорным рядом не удивить! И вот тут я безбожно вру. Путь к сердцу зятя лежит через желудок.

Через н-цать минут из верхнего окна дома тёщи раздался её зычный бас (никаких контральто, умники, это был бас – я сказал):

– Мой любимый боцман (это типа я) уходит завтра в море!..

– И никогда он больше не вернется в край родной... – это уже я подпевал.

– А всё-таки вернётся, он к теще на блины! – получи Боцман не в рифму, а в глаз.

Идиллия была прервана самым кошмарным образом: из нашего саквояжа (свиная кожа отменной выделки – практи-

чески единственная путевая вещь в нашей коллекции чемоданов-сумок) вылетели два ползунка, один – белый, другой – чёрный. Я узнал их – это были два самых бесшабашных обитателя нашей квартиры, они часто дрались под потолком, в то время как мы с Эльзой...

– Это что такое?! – оборвала поток моих мыслей Клара Ивановна.

– Это ползунки... – промямлил я. Как потом сказала Эльза: у меня был совершенно идиотский вид, хотя я думаю, что вид может быть или идиотский или не идиотский, но никаких градаций типа совершенно, или абсолютно или наиболее идиотский – быть не может, но это, конечно, лишь мое личное мнение.

– Да вы знаете, что бывает за их контрабанду?! – голос Чегеваровой добрался до потолка верхнего этажа и отразился по всем многочисленным комнатам эхом.

– Смертная казнь... – я икнул и...

Позже Эльза утверждала: "Упал ты, Боцман, лицом в салат оливье", а я же, протестировав память, безапелляционно заявил: "Достоинно прилег на свою правую руку". Правда, какие-то подлые кусочки овощей и колбасы хорошо вываленные в майонезе почему-то оказались у меня за левым ухом и между волосами (а волосы, интересно делятся на левые и правые?) Но это случайность – однозначно!

Королева

Прекрасно, в деталях вижу, как в цветном экране, магистра, тирана, кровопийцу. Но мне его не достать, посему попытаюсь быть объективной. Я помню Маркела высоким и статным, а теперь он выглядел худым, слегка сутулым с грязно-седыми длинными и сальными волосами, весь он был каким-то потрепанным жизнью, видимо, он не сразу нашёл рецепт вечной жизни в тайном отделе библиотеки. Или это злость его так изъела изнутри. Интересно, если брать в среднем, то худые и высокие люди менее добры, чем невысокие толстячки? Но как проверишь такое? Учёные занимаются многим, но бесконечно большим они не занимаются – руки и умы не доходят...

Как всякий тиран и кровопийца, магистр был до чрезвычайности сентиментален. Он мог подписать десять смертных приговоров за раз, но даже и мысли не мог допустить, что его любимые сиамские кошечки останутся без теплого молочка утром. К пушистым и усатым особам приписали личного повара с наказом: не дай боже допустить какую-нибудь, пусть даже самую мало-мальскую оплошность в приготовлении кушаний для любимых крошек магистра – тут же в кандалы и на рудник, с которого не возвращаются. В данный момент свои обязанности исполнял уже шестой кулинарных дел мастер по счёту и, судя по всему, скоро его сменит седь-

мой повар – уж слишком подозрительно долго он оставался на своем месте и не совершил пока ни единой промашки – да, это было подозрительно, но не мог же магистр лишиться (пусть и на один день пересменки) своих любимцев полноценного питания? Как на это отреагируют Мэри – старшая и самая привередливая кошка, не говоря уж о молодой красотки Люси – любимица из любимиц магистра, а доблестный ловелас Артур – он же может обессилить без паштетика из гусиной печени, как он будет соблазнять своих многочисленных поклонниц? Нет, видимо, и сегодня шестому повару повезет – он обойдётся без тяжёлых украшений на руках и ногах. От дел государственной важности магистра отвлек деликатный кашель секретаря.

– Ну что там ещё? – спросил повелитель третьего магистрата.

– Ночные сводки, – шарканье ножкой и низкий поклон, все формальности соблюдены, но все равно магистр с удовольствием удавил бы гада-секретаря, но где найдёшь ему замену.

– Давай их скорее сюда и выметайся, а то ещё потревожишь Мэри, она только что заснула!

Секретарь на цыпочках прокрался к креслу, в котором среди подушек и пледов утопали кости магистра, и передал бумаги.

– Вон, скорее вон! – шёпотом завопил любитель кошек, и этот повелительный шёпот догнал секретаря и пригвоздил

того к паркету, но изворотливый придворный и "смертельно раненным" смог убраться из кабинета восвояси.

В сводках не фигурировало ничего интересного: ни обнаруженного заговора, ни раскрытого злодейства против магистрата, ни упоминаний о бунте, ни живых картинок с мест массовых беспорядков. Одна скука: пьяная драка в баре, два запускателя змеев на доме судьи мешали своими противоправными действиями добропорядочным людям спокойно спать. А именно – выкрикивали непристойности. Цитаты записаны, сами нарушители – не пойманы, магистр сделал пометку: наказать нерадивых стражей, которые упустили шанс повысить свое звание, проявили в этом некомпетентность и теперь им придется проявлять её на более низком уровне служебной иерархии. Кроме этого необходимо издать указ облагающий бары дополнительным налогом на спокойствие – это уже была вторая пометка. Решив, таким образом, все дела – он отложил бумаги и стал наблюдать за кошками, это занятие умиротворило его холодное сердце и погрузило в дрему. Тут-то к нему и явилась королева...

– Привет, магистр! – сказала я не слишком громко, чтобы старикан не проснулся от испуга.

Магистр задрожал и стал плевать – не слишком вежливый приём в своих покоях дамы, а тем более королевы! Мне стало понятно, почему он до сих пор холостяк. Одних кошек ещё могла бы терпеть женщина, но смириться с брызжущей во все стороны слюной и трясущимся подбородком – нет,

уж, увольте! Лучше остаться старой девой. По крайней мере, настоящая женщина такого букета недостатков не стала бы терпеть.

– Ты, опять ты... – заскрежетал зубами Маркел (я называла его просто Маркелом без титулов – ещё чего титулы прибавлять к имени этого самозванца!) – Ты сон, ты просто сон!

– Не просто сон, а твой эксклюзивный кошмар! А скоро могу стать и явью, – делаю отмашку бровью, чтобы знал, собака, с кем разговаривает.

– Нет, тебя никто не разбудит! Я принял меры.

– Недостаточные меры, но всё ещё можно изменить. Давай сыграем в шахматы, выиграешь ты – я никогда не проснусь, ну а если мне повезет – твоему магистрату... – тут я употребила слово не достойное особ королевских кровей и даже парламентариев.

– Я плохо играю в шахматы.

Ложь как бритва отрезала кусочек добра от его существа и этого уже не вернуть, не исправить, не изменить, с этим можно только смириться, обдумать, сделать выводы на будущее. Да ещё наблюдать, как тёмная взвесь неприятного осадка навсегда осталась внутри светлого в общем-то существа.

– А я что, хорошо? К тому же ты можешь советоваться с гроссмейстерами, а я тут одна без поддержки, бедная всеми забытая девушка... – это сколько же воды я вылила на мельницу госпожи Лжи?

– Чур, я белыми!

– Тогда я чёрными! – пусть порадуетя, дурашка.

– А не обманешь? – спросил магистр, расставляю фигуры.

– Честное благородно, если выиграешь – засну вечным сном! – несчитовая клятва, во-первых, я за спиной держала крестик из пальцев, а во-вторых, это же не вещей, а самый что ни на есть обычный сон (в таких вещах очень важны нюансы, которые магистр не ловил, как его любимые кошки не ловят мышей).

Я расставила свою чёрную армию и та застыла в ожидании хода белых, те не заставили себя долго ждать и пешка на вертикали "е" выдвинулась вперед. Я не успела ответить – магистр проснулся. Пробудившись ото сна и решив, что его посетило вещее сновидение, он приказал установить в своем любимом кабинете шахматную доску и сходил (как и во сне) e2 – e4. Партия началась! В следующем сне я ответила e7 – e5. А на утро к ужасу магистра кто-то в соответствии с моим ходом передвинул чёрную пешку. Уже наяву!

Дознание, учиненное Маркелом, ничего не дало – все имеющие допуск в магистровские покои клялись и божились, что не прикасались к шахматам и даже пытки не дали обычного результата. Так наша борьба и закрутилась: магистр делал свой ход днём белыми, а я – ночью передвигала свои чёрные фигуры. От этой "катавасии" (определение самого магистра) у него разыгрались нервные приступы, начались расстройства желудка и самое для меня главное: он стал хуже соображать, а это уже реальная помощь в деле пробуж-

дения меня-любимой. Маркел не предполагал, насколько он был близок к разгадке творившейся в его кабинете чертовщины, когда обозвал её катавасией. Ведь чтобы двигать фигуры наяву (и тем самым выводить из равновесия магистра), мне приходилось вселяться в какую-нибудь из сиамских кошек. Я предпочитала Люси – она была более восприимчива и считала контакт со мной новой игрой. Оказавшись в теле кошки, я всегда потягивалась – а где ещё можно так грациозно потянуться? И только потом запрыгивала на стол, поддерживающей шестидесяти четырёх клеточное поле моей битвы с Маркелом. Зубками аккуратно зажимала нужную фигуру (лапами как показала практика двигать фигуры и особенно пешки было как-то не с руки – если можно так выразиться) и передвигала её куда надо, предварительно, если этого требовала ситуация, убрав с клетки белого "бойца". В шахматы я почти не умела играть, но, подключив все ресурсы своей интуиции, действовала наобум и это наобумие неплохо выводило в эндшпиль... впрочем, я немного лукавлю, иногда я пробиралась в сны одного почтенного шахматиста и подробно консультировалась с ним по интересной для него теме, но являлась я к нему в образе музы шахмат – с вуалью, вся такая загадочная, и вырез на юбке достаточно многообещающий... почти до... а почему бы и нет? Немного флирта и карнавала ещё никому не повредило, да к тому же что было бы, явись я к нему королевой – одни приветствия длились бы полсна.

Тратя на партию с магистром лишь четверть своих сил,

остальные я бросила на сбор своей настоящей армии и начала, разумеется, с герцогини Александры, та уже практически сама добралась до моих владений во сне, и ей оставалось открыть лишь последние врата, ведущие напрямиком к моим покоям.

Магистр

Глупые, они критикуют меня за то, что лишил их ярких вещей и красок. Мещане – они как сороки падки на всё блестящее, золото им подавай, полезное серебро слишком блекло... шмотки – только от модных кутюрье, ковёр в доме – чтобы был пушистее, ярче и цветастее, чем у соседа, а хрустальная посуда блестела ослепительнее и звучала мощнее при щелчке серебряной ложкой. Культ быстрых карет, дорогой одежды, забубённой мебели и в целом барахла. И на всё это нужно деньги... А я дал им культ здорового тела, это я запустил факельные шествия ночью и физкультурные парады днём. Тысячи спортивных мужчин и женщин синхронно делают одно и то же движение – это прекрасно и это вдохновляет жить! Им не нужно думать, я уже за них всё придумал. Я объединил людей в кружки и общества, каждой организации придумали форму и знаки отличия. С семи лет дети записывались в пионеры, потом в смотрящие, а становясь взрослыми в трудовые дружины, серую стражу или легионы смерти (в зависимости от физических и психических данных).

Кем бы они были при королеве? Да никем. Если ты не дворянин, ты никто. А при мне заработали социальные лифты и простая доярка может стать проректором и даже ректором (начальником) большой организации. Кто был ничем,

тот стал почти всем (всё-таки моё место занято, и я его никому не отдам). И что? Они до сих пор вздыхают о королеве. Ничего не помнят из того мира, но он кажется им прекрасным.

А ещё все ждут – когда же я официально женюсь. Им нужна свадьба, светская жизнь магистра, им не хватает балов королевы, чтобы показать свои наряды и драгоценности. Не дождётесь! О моей личной жизни знаю только я, ну и пару особо приближённых телохранителей. Даже мои двойники не знают, кто согревает моё ложе.

Боцман

Анихейцы в целом сумасшедшие, а если учесть, что какой народ – такое и правительство, то становится понятным как могут в государстве с вполне благородным названием существовать такие... (впишите нужное слово) законы. Впрочем, кое в чём они равнялись на наше королевство (ныне магистрат) и тоже ограничили знания для народа. По принципу: меньше знаешь – крепче спишь! Зато бурным цветом в Анихее расцвели всякие дикие культы и мракобесие, а это отражается и на обществе и на законотворчестве. Так что неудивительно, что за ползунков здесь сажают на кол! Да и ползункам не легче, их сразу в кипяток и на стол императору Анихеи. Вот так, неожиданно-негаданно мы попали в серьёзный переплёт. Клара Ивановна, естественно, приняла меры: объяснила своей челяди в жутких подробностях, что случится с языком, кожей на спине и ягодицах каждого, кто хоть словом обмолвится о маленьких существах, которые никогда не летали под потолком гостиной, и которых никто и никогда не видел в доме вообще. Все челядинцы внемли увещанию и дружно заявили, что глухи слепы и беспамятны с самого рождения.

Я уже упоминал о своеобразии анихейцев, так у них не только законы были... дурацкими, но и таможенные правила такими же! Например, случай с ползунками – это же ше-

девр казуистики-мистики! Сами ползунки не были вне закона, но по таможенному соглашению могли импортироваться в Анихею только как начинка для супа (другими словами все поступающие на территорию этой страны ползунки тут же обдавались крутым кипятком и срочно доставлялись к императорскому столу, где блюда из них считались деликатесом). А если кто-либо провозил их через таможню нелегально – это уже была контрабанда и наказывалась колом. Ползунков же ждал всё тот же неумолимый и ультимативный кипяток.

Но, не смотря на всеобъемлющие меры Чегеваровой, кто-то всё же проболтался и скоро под окнами великолепного тещино дома появились гвардейцы. Впереди ехал самый пестрый "петух"... Наряд гвардейцев действительно смахивал на петушиную манишку, а уж сооружение на шлеме – я не знаю, как оно называется (плюмаж, что ли), выглядело как вылитый петушиный гребень. Так вот, самый главный петух начал заниматься бюрократизмом и идиотизмом одновременно, а именно: стал зачитывать права Кларе Ивановне, да она сама воплощение права сильного в этом мире!

– Ваш дом окружен, сопротивление бессмысленно, выдайте ползунков и будете казнены в соответствии с таможенных эдиктом нашего славного импе...

Договорить петух не успел – на него обрушился бочонок с превосходным красным вином и глас закона умолк, если не навсегда, то надолго. Завязалась перестрелка-перекидка, то есть гвардейцы палили по окнам из арбалетов, а домочадцы

выкидывали всякие разные тяжёлые предметы из окон и корчили непотребные рожи петухам. Победа доказала где зарыта справедливость: гвардейцы отступили и стали зализывать свои раны, а все обитатели дома благополучно покинули его гостеприимные стены через заблаговременно вырытый подземный ход, ведущий на соседнюю улицу.

– Хвала моему рано ушедшему в лучший мир мужу, он хоть и был доходягой, а таки вырыл этот, в некоторых местах узкий, но крепкий ход на всякий пожарный случай, – Клара Ивановна всхлипнула и погрозила кому-то наверху кулаком. – Он так и говорил: "всякий пожарный".

– Мама, зачем вы тягаете такие тяжести? – спросила Эльза.

– Это не тяжести, это обеспечит мою достойную старость, а также достойную старость вас и ваших детей... а почему вы опять без малых деток явились, не запылились?..

Дальше пошла очередная лекция на тему: "Как завести детей и делать это регулярно", там было любопытное место про один весьма затейливый способ делания детей, а также моралите против измен на стороне. Чегеварова произносила обличительную речь об изменах с таким пафосом, что становилось ясно: она их оправдывает! Но остальные сорок пять минут из часовой речи были скучны и заучены мной наизусть. К тому же, во время этой продолжительной тирады нельзя было болтать, целоваться, невнимательно слушать или делать вид, отличающийся от положенного уставом: глаза устрем-

лены в рот тёщи, руки по швам, лицо внемлющие откровения с небес.

Мы благополучно выбрались на белый свет, но лекция не прекратилась и в некотором роде мы были ещё окружены тьмой. Тик-так – всё проходит, вот и накачка знаний под самую крышку моей скороварки закончилась. Далее мощной своей дланью Клара Ивановна направила нас на путь истинный – подальше от стражи, поближе к кормушке. Мы подкрепились на дорожку и с помощью доверенных лиц (подкупленных стражников) вышли через северные ворота.

– ...и да увижу я поскорее своих внуков! – закончила свою речь Чегеварова.

– Обязательно! – сказали мы с Эльзой с воодушевлением.

– Не верю! – оборвала поток неправды тёща и добавила: – Хоть сама за дело берись!

Я вздрогнул, а в глазах у меня потемнело, я оперся здоровой правой рукой на сильное плечо Эльзы.

– Маман, не пугайте зятя! – хорошо иметь чуткую жену, плохо, когда у этой душки такая маман (ещё одно доказательство несовершенства мира).

Направив домочадцев к одному из бесчисленных дальних родственников, тёща стала моделировать наше будущее.

– Я тут из достоверных источников узнала, что в бухте Кара-Чуп стоит корабль докси, по моему мнению, нам надо сесть на него и покинуть мой родной край, раз уж моя доча имела неосторожность выйти замуж на такого... (что-то у

меня со слухом случилось – сплошное «бу-бу-бу», никак помехи...) который провез ползунков в наши анихейские пределы, чтобы императору пусто было!

– Аминь! – сказал я.

– А докси нам помогут? – спросила более предусмотрительная Эльза.

– Не знаю как вам, а я их очарую! – веско заявила Чегварова.

Я кое-что слышал про великих и могучих покорителей морей и океанов докси, но никогда с ними не сталкивался лично – они неохотно забираются далеко в сухопутные пределы нашего материка, а королевство Зелёных холмов находится в самом сердце центральной и плодородной его равнины. Если коротко, то: докси – это такие вооруженные моряки, не имеющие ни родимого края, ни сколько бы долгой прописки у одного капитана, живут они лишь ради моря и наживы, обитающей на его пенных просторах и на берегах. Доксином не рождаются, доксином – становятся. Многие мальчишки из прибрежных земель мечтают о пиратских набегах и сокровищах, стоит ли говорить, что количество романтиков, пополняющих ряды докси, не уменьшается от поколения к поколению. Одежда простого доксина состоит из татуировок, шрамов и оружия. Без оружия докси чувствуют себя голыми. А для прибрежного люда, терпящего набеги от этих варваров морей, свирепые докси в тату и шрамах (при этом размахивающие острыми железяками) являются,

несомненно, злыми и голыми даже с оружием. Для докси же, чтобы чувствовать себя комфортно при любом ветре и в любой воде (вода холодной не бывает – одна из поговорок докси), никакой одежды не надо ни в принципе, ни тем более на практике, даже наоборот – одежда прикрывает тату, которые символизируют сексуальные предпочтения своего хозяина, а также его философию, образ жизни и заслуги в грабежах и насилии. Одежда прикрывает ещё и шрамы, которые дают понять, что перед тобой не какой-то юнец, а настоящий матёрый доксин. Единственное подобие одежды, которое докси допускают – это различные наплечники, налокотники, наколенники, и начленники, но первейшая задача их не защитить тело от удара клинка врага, а прикрыть татуировки, за которые доксину стыдно, например, он по молодости выколлот у себя на плече: "Люблю Роксану", а спустя годы, когда от Роксаны и запаха подмышек не осталось, прикрыл ошибку молодости стальной или кожаной цензурой.

И вот встреча с такими бравыми ребятами нас ожидала в перспективе. Под стук копыт уже не наших пони, а здоровенных лошадей из конюшни одного из многочисленных родственников Чегеваровой окружающий пейзаж быстро сменился: сначала появилась бухта, потом силуэт корабля, потом образ капитана, он поставил одну ногу на борт и смотрел на наше прибытие исподлобья и из пол густых почти сросшихся между собой бровей. Когда мы поднялись из шлюпки по веревочной лестнице – как она выдержала тушу

тещи?! – на палубу, он выдал хриплым басом, достающим до печёнок:

– Меня зовут Ворд, добро пожаловать на борт, сухопутные крысы!

– Ты кого назвал крысой? – рассвирепела Чегеварова и выдала на гора такое количество солёных выражений, что татуировки на теле Ворда побледнели.

– О знойная женщина, мечта каждого докси, рад приветствовать тебя на моей лоханки, с кем ты трахаешься сегодня ночью? А то мой дракоша застоялся... – Ворд опустил глаза, на его мужском достоинстве красовалась тату дракона, хвост которого обвивал это самое достоинство несколько раз. – Пятнадцать витков! – гордо ответил на наш невысказанный вопрос капитан.

– А такое впечатление, что пять, да и тонкий он какой-то! – загрохотала Клара Ивановна, но когда Ворд галантно поцеловал её необъятную ручку, зарделась, и сменила гнев на милость. – Поглядим на остальной экипаж, если ничего более подходящего не улицезрю, то попробую на крепость твоего доходячего червячка.

– Вот это романтический разговор, я впадаю в амбивалентность! Клянусь Белугой! – капитан подбоченился и явно ухлёстывал за вдовой.

– Клянусь Белугой! – подхватила команда.

Эльза поначалу смущалась – самую малость! – от обилия обнаженной мужской природы вокруг, но буквально через па-

ру минут она уже не замечала отсутствие на вешалках гардероба (или в гардеробе вешалок), а помогло ей в этом одно обстоятельство. Ко мне подошёл громила, выше меня всего на вершок, но амбиции в нём копошились бесконечные, сморкнулся мне под ноги и ткнул в мою грудь своим тупым указательным пальцем:

– Да у твоей девушки волосы короче, чем у тебя, или ты тоже девчонка?

Пришлось отвечать за то, что я люблю ходить с волосами, достигающими плеч. Слова в данном случае вряд ли могли поспособствовать поиску консенсуса, поэтому я выдохнул и вложил в выдох всю свою злость относительно человеческих стереотипов. Выдох я в свою очередь сфокусировал в свой кулак, а кулак отправил прямо в подбородок громилы. И это без замаха – чтобы мой коллега по диалогу ничего не пронюхал раньше времени. Челюсть его сказала: "Крак", вылетела и опустилась вместе с головой своего хозяина на палубу. Громила ни мало не смутился такому обороту дела, вставил с обратным щелчком «Карк» изогнутую кость с зубами назад, поднялся и протянул мне руку:

– Меня зовут Ревун и, клянусь Белугой, ты не девушка, а настоящий докси, хоть и в штанах.

– Докси в штанах, докси в штанах! – загалдели остальные матросы, которые окружили место нашего с Ревуном разговора.

– Молчать!!! – рявкнул Ревун и всем незнакомым с ним

людям стало ясно, почему его зовут так, а не иначе.

Ветер начал толкаться с парусами и от этого форштевень сначала захлебнулся, а потом стал лизать волны и сплевывать соль сквозь густые усы. Короче, корабль поплыл. Вперёд, но не прямо, а зигзагами, их ещё на море галсами кличат.

Магистр

На балконе дворца стоял гарант Конституции и объявлял свою волю народу:

– Жители магистрата! Мужчины и женщины! Настали новые времена! Анихея, где долгие годы наши сограждане вынуждены были существовать под диктатом коррумпированных властей и сумасброда императора, наконец-то воссоединилась с нашим народом!

Анихея вошла в состав магистрата! Ура, братья и сёстры!

Далее человек, очень похожий на магистра, долго и красноречиво объяснял, как все люди расширившегося магистрата теперь хорошо заживут... а то, что магистрат и дальше будет расширяться в речи не упоминалось... Это правильно, ведь текст правил я, составители не всё понимают.

И вроде бы всё тип-топ, только вот в далеких странах наше дружеское воссоединение с Анихеей называют грубым словом «аннексия». Они просто завидуют. Надо будет сказать двойнику, чтобы он так на людях руками то не размахивал. Скромнее надо быть. Я перестал слушать «свою» речь и пошёл кормить кошек.

Шут

И всё – обрыв. Наверное, там было продолжение, артист, несомненно, нашёл своего принца и... может быть, попал в вожделенный мир с прыжками, а быть может – секир башка. Но это дело неизвестное, впрочем, и неважное тоже. Важнее другое: прочитав сей опус, я как-то сразу понял – буду шутом. У меня тоже не было никаких данных для этой профессии. И я стал самым несмешным шутом в королевстве. Но зато получил работу. Смешно? Нет. Как раз к тому моменту, когда я сшил себе настоящий камзол шута, состоящий из лоскутов красных и лоскутов фиолетовых, королева устроила конкурс на должность придворного шута (не зря же камзол мой шился). Поскольку наша королева не отличалась необдуманными жестокими жестами, вроде отрубания головы за неудачную шутку и не была настолько несчастна, чтобы быть жадной, на конкурс слетелось шутов столько, сколько мух обычно слетается на дохлого слона. И вот в зале смеётся королева, она уже много-много раз приходила к мысли: «вот смешнее этого клоуна и быть никого не может». А шуты всё шли и шли, и шли... А я появился совсем не в зале – в других покоях. И, разумеется, не материализовался из воздуха, а зашёл ножками посредством взятки, открывшей нужную дверку в комнату, куда королева удалилась для раздумий. К тому времени она уже не могла видеть смешные

рожи, ужимки, падения и шутки. Я галантно присел рядом с диванчиком, на котором решила прилечь одна из самых красивых женщин, коих мне посчастливилось наблюдать в своей жизни, и шепотом не напрягающим уставшие от всевозможных шумов королевские ушки сказал: "Привет, ВВ, и долго ты будешь терпеть этих фигляров, чем тебе не нравлюсь я?" Потом мы сошлись на том, что я не смешон, имею сволочную натуру и предам королевство в целом и королеву в частности при первой же возможности. Надо ли говорить, что я занял вакантную должность в королевском табеле на жалование.

– Не называй меня ВВ, – она щелкнула по одному из колокольчиков на моем колпаке и тот не зазвенел. – Почему он не звенит?

– Понимаешь, ВВ, я залил все колокольчики свинцом, звон, конечно, пропал, но зато появилась возможность незаметно красться в темноте. Согласись, что такое вроде бы не колокольное свойство очень пригождается для прослушки и подглядки, к тому же, в случае чего я снимаю колпак и отмахиваюсь им от врагов, таким бубенцом по башке заедешь и мало не покажется.

– И все-таки ты ужасно не смешон, кто же будет меня веселить?

– В основном придворные, но я могу из своей зарплаты нанять человечка смешной наружности, пусть валяется по углам, если так угодно ВВ, которая вообразила себя стервой.

Кстати, я таких видал стерв, по сравнению с которыми ты просто Агнец Божий.

– Вот агнец мне нравится, называй меня так.

– Хорошо, ВВ.

– У тебя ещё и глаза разные?

– По размеру одинаковые.

– Зануда, я говорю про цвет!

– Зануда, я говорю про размер!

Она кинула в меня короной (не тряслась она над золотом – уважаю), я поймал драгоценный обруч и кинул его обратно, не настолько сильно, чтобы причинить королеве вред, но все-таки поймать его было не легко – она поймала. Так мы дурачились некоторое время, если бы не одежда, трудно было бы понять: кто из нас монарх, а кто – клоун.

Так королева приобрела никакого шута, зато большую сволочь и талантливую соглядатая за чужими тёмными делишками. С тех пор, для королевы даже самое мутное озеро чужих интриг легким усилием моей тяжёлой длани (ну не мог я свои изящные ручонки обозвать как-нибудь по-другому, например, корягами кривыми) превращалась в стекло, которое было прозрачнее росы, прячущейся от девственниц в гриве единорога.

Боцман

Это была она, это была Она! Сама вошла ко мне в спальню! Из всех она выбрала меня! Я даже как-то стушевался по началу, как-никак сама королева!.. у меня, простого безработного сторожа! Но потом, основной инстинкт очухался и стал рулить моим телом... и тут я обнаружил, что проснулся и целую Эльзу.

– Что это ты так на меня смотришь, как будто во сне видел другую?

– Я... просто... сон тут, нет сон там, а тут ты и там тоже... ты... а я думал сон... какая радость!

– Не юли, кого ты видел во сне?

– Никакой Юли я не видел! Только тебя, любимая! Только тебя! – я не дал своей благоверной засомневаться в моих словах и дабы избежать дальнейших разборок заткнул ей уста проникновенным поцелуем...

Но, если быть честным до откровенности, видел я во сне не Эльзу.

Королева

Однако я не забывала присматривать и за другими персонажами сновидческой игры, она же в некотором роде все-таки моя игра. Где моя верная фрейлина? Ага, с ней всё в порядке – она рядом с супругом. А с ним тоже полный порядок: он находился не где-нибудь в тюрьме (рано, ещё рано), а в трусах. Труссы у Боцмана знатные: подвязывались веревкой, доходили до колен, а колор? половина полосок – чёрные, половина – белые, правда белые завязукались в многочисленных передрыгах, а чёрные – вылиняли, но зато веревочка, она сохранила себя такой, какой появилось на свет при плетении неизвестно кого неизвестно когда – обыкновенной, но зато надёжной, ведь трусы ещё ни разу не спадали когда не надо. А уж к лучшему это или к худшему – пусть каждый решит сам. Вот в этих знатных трусах он и стоял сейчас, закрывая глаза от солнца ладонью, и обозревал просторы моря, а Эльза любовалась мужем, он ей нравился таким – загорелым и в трусах, ну какое слабое женское сердце устоит от такой картины маслом? А мне нравились они оба, прекрасная пара. Вид чужого счастья на некоторых навивает грусть, а меня сейчас согрел... я широко улыбнулась, одна, в собственном сне, но согретая, а это важно.

Вся такая внезапная и энергичная я направилась на встречу с герцогиней. Александра уже ждала меня в парке, ей лег-

че всего удавалась представить меня во сне в парке, что разбит позади моего – во сне уж точно моего! – дворца.

– Доброй ночи, ваше величество! – приветствовала она меня.

– Доброе утро, Саша!

Мы взялись за руки, и я стала объяснять ей план...

– ...значит, мне нужно провести в ваш сон Эльзу и Майю?

– Для начала да, потом к вам присоединиться ещё одна девушка, но об этом позже.

– До свидания, ваше величество!

– До скорого, Саша! и не будь ты такой официальной.

– Воспитание не даёт даже во сне отступить от этикета.

Герцогиня мило улыбнулась и исчезла из парка, где мы гуляли, сделала это она самым естественным образом: проснувшись в придорожной гостинице, где снимала номер.

Я же не проснулась, ибо просыпаться мне было некуда.

Магистр

Вот она лежит в саркофаге. Красивая и мёртвая, но как живая. Саркофаг герметично запаян, воздух туда не поступает, да и тело не дышит... а такое впечатление, что сейчас веки задрожат и глаза распахнутся... но это всё придумывает мой мозг. Она мертва, как и знахарь, что приготовил мне яд. Он потерял бдительность, когда увидел обещанное ему золото, тут его и удавили гарротой. Потом пришлось поменять кресло в кабинете. Человечество так и не придумало способа чистого умерщвления, то кровь льётся из человека, то моча...

Что девочка лежишь, так и будешь лежать в зелёном платье с капюшоном... красивая и бледная. Думала, что тебе страна досталась и всё будет хорошо. А что было хорошо? Запредельная коррупция, дефицит бюджета, нищета, безработица... но обо всём этом забыли в сытые годы, сытыми они стали после моих реформ! Возросшие закупочные цены на зерно и молоко спасли сельское хозяйство. Масштабные дорожные работы победили безработицу. Да несколько зарвавшихся герцогов и графьём пришлось приморить, а их имущество поступило в казну. И что? Меня проклинаяют на улицах, а тебя вспоминают с мечтательной ложью – вот были времена... Да никто из ныне живущих (за исключением шута, которого до сих пор не поймали) уже не помнит даже рас-

сказов пра-пра-прадедушек своих о том, как было при королеве. Но с надеждой ждут, что ты встанешь из гроба... учёные заверили меня, что это не возможно в принципе. Колдуны трясли чучелами крокодилов и прочих гадов и выдали такой же вердикт. Но ничто, даже моя спальня, не охраняется в королевстве (анахронизм, не изжить, магистратом государство так и не называют) Зелёных холмов так, как колокольню... ведь по легенде герой ударит в колокол и королева проснётся... а пока она спит. И так будет всегда!

Набравшись спокойствия, я пошёл читать свою речь для волшебных экранов. Деграция образования привела к тому, что обычные телевизоры называют волшебными. Для тренировки мозга я задал себе задачку – найти сопротивление каскада резисторов в виде сердца, перечёркнутого стрелой... и заодно проверил посты. Я могу делать много дел одновременно. А эта девка могла только пить шампанское и танцевать...

Ну, ещё она является мне во сне и довольно неплохо играет в шахматы (кто бы мог подумать?!). Поэтому я и пришёл сегодня к саркофагу. Теперь пару недель не будет сниться... тонкое одеяло, хорошо проветриваемая комната и чистая совесть – залог хорошего сна. И ещё надежные телохранители за дверью... и овчарка Блонди у постели. Это уже семнадцатая, нет – восемнадцатая моя Блонди... они умирают и возрождаются в потомстве, а я вечен.

Да, я не люблю кошек. Это очередная тщательно выпесто-

ванная мной легенда «о магистре»... кошки присутствуют, и повар у них имеется, и даже выходит специальный бюллетень об их здоровье и играх (с цветными качественными фотографиями). Но разве можно любить глупых котиков? Только верным псам можно доверить свой сон!

Боцман

Сквозь тернии секса добрались до политики, но уже без Эльзы, и уперлись в коловороты. Коловороты – это бывшие мельники. Раньше они занимались своим привычным делом: мелили муку и пили пиво и медовуху в пабах и барах своих деревень. То есть были трудягами, на крепких плечах которых и держится наш мир.

Но потихоньку среди них распространилось учение о том, что истинные люди – белые, а значит мельники – истинные люди. Все остальные же темнее, это ясно видно невооруженным взглядом, а значит – выродки и недочеловеки. И, конечно, богатство на земле должны принадлежать настоящим белым людям, а не всяким там чёрным нелюдям. Это же ясно, как белый день! И под воздействием такого простого и притягательного мифа мельники постепенно стали перерождаться в коловороты. Их символом стала мельница, точнее её ветряк, концы которого были загнуты. Получилась свастика – символ древний, но кого это теперь волнует? Он стал однозначным символом зла.

В какую сторону свастику загибать? На этом вопросе произошёл первый раскол среди коловороты, и они разделились на правосторонних и левосторонних, в зависимости от того, куда загибались концы ветряка – посолонь или наоборот. Формой коловорота стала белая рубака, белые джинсы

и белые шипованные ботинки, на бритой голове (изначально мельники брили головы, чтобы в муку не попали их волосы) – белый колпак. На рукаве рубахи – красный коловорот. В честь праздников они посыпали себя мукой и выходили в таком виде на улицы.

Поначалу коловороты лишь пили пиво или медовуху в питейных заведениях и рассуждали о своей исключительности. Причём левосторонние предпочитали из двух основных напитков именно пиво, а медовухой уже баловались правосторонние. Но потом «истинные люди» стали мочить всех, кто был не согласен с такой позицией. Тут произошел второй раскол. Коловороты разделились на радикалов, которые считали, что мочить нужно всех, кто не коловорот, и на умеренных, которые утверждали, что мельники и врачи, даже если они и не коловороты, все равно белые люди, а значит, их мочить не нужно. Соответственно всего коловоротов стало четыре вида: радикальные правосторонние, умеренные правосторонние, радикальные левосторонние, умеренные левосторонние.

Но, как только собрался первый съезд всех коловоротов, тут же появилась ещё и пятая группа, так называемые отмороженные коловороты. Эти вообще считали, что истинный коловорот – это отмороженный коловорот. Зимой отморозки сидели голыми задницами на снегу, от чего часто заболели менингитом и мерли, а летом – покупали на членские взносы большой холод, пропитывали им лавки и на них мо-

розились, делом доказывая свою исключительность. Первый съезд коловоротов закончился их глобальной пьянкой и не менее глобальной дракой. И все бы это было смешно, но на практике очень быстро комедия превратилась в трагедию по каким-то диалектическим законам бытия.

Постепенно от людей со свастикой на рукаве и со свастикой в головах стали страдать уже окружающие, то есть все, кто не был коловоротом или был не коловоротом. Особенно люто коловороты ненавидели евреев и масонов (свободных строителей) и старались очистить от них всё пространство, на котором преобладали. Под размес попали цыгане (их мало кто любит) и заднепроходники (любители неклассического секса), а также все, кто защищал эти меньшинства.

Здравый человек никогда не пойдёт в коловороты, но к ним шли, особенно молодые. Шли те, кто не доволен жизнью, ведь идеология коловоротов очень простая: ты – белый и, значит, по определению должен быть счастливым и пользоваться жизненным пространством и его основными благами. Только вот власть в стране захватили евреи, масоны, буржуины капиталисты, голубое лобби и прочая сволочь. Вот поэтому ты с семьей таких же белых и достойных людей ютишься в маленькой квартире в рабочем районе, а у сволочи – процветает бизнес и брюхо от экзотической жратвы лопается! Что делать? Конечно, записываться в боевые отряды коловоротов! И тогда ты можешь отобрать у ненавистного соседа всё – квартиру, бизнес, барахло и прочее нажи-

тое имущество. А соседа можно убить, он какой-то не такой, подозрительный, на тебя не похожий. Была для тебя несправедливость велика, а стало всё любо и благолепно. А главное – ты в стае, ты не один, ты чувствуешь локоть товарища, ты не один бьёшь и пинаешь недолодей, это делает стая и вообще ты ни в чём не виноват – ты выполняешь приказы доброго фюрера. А он не может ошибаться!

Коловоротское движение было объявлено вне закона в либеральных государствах, а в темных странах, не дошедших в своем развитии до светоча цивилизации, коловорота так и вовсе, если поймают – сразу засовывают головой в мешок муки и ждут пока он не затихнет навсегда, чтобы жизнь малиной не казалась.

– А почему вы идёте на Байду? – спросила Клара у Ворда.

– Раньше Байда была нормальной такой байдой, там пили, ели, делали детей. А сейчас там рулят коловороты.

– Так у вас же с ними нейтралитет был?

– Вот именно был, диалектики недоделанные! – Ворд стукнул по столу и одна из его досок треснула. – Решили на своем съезде, что мы нелюди и нас надо мочить.

Вот так политика и вторглась в мою жизнь, хорошо ещё, что в ходе пьянки с доксинами я прошёл через теоретические тернии (см. выше) и знал, кто такие коловороты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.